

Елена Колина
Питерская принцесса

«Елена Колина»

2004

Колина Е.

Питерская принцесса / Е. Колина — «Елена Колина», 2004

ISBN 978-5-17-047390-8

Прелестная девочка, душа компании, умная глупышка, нежная изменница, талантливая лентяйка, обаятельная эгоистка, она дружит – со всеми, любит – всех... Принцессе полагается свита: прекрасный возлюбленный, нежная подруга, верный оруженосец, придворный гений и скромная золушка. Прошли годы, и питерская Принцесса, превратившаяся в загадочную американку, встречается со своим прошлым... Ее свиты больше нет, есть красивые успешные люди: самоуверенный новый русский, его красавица жена, жизнерадостная интеллектуалка, обаятельный плебей и томный писатель. Но вдруг оказывается, что под маской – живые люди, а внешний лоск скрывает и боль утраты, и ревность, и тщательно спрятанную от любопытных глаз первую любовь. Вот только что с нею теперь делать, такой трогательно живой и беззащитной?.. Бедная Принцесса в изгнании, бедный верный оруженосец, бедная преданная подруга, бедные все...

ISBN 978-5-17-047390-8

© Колина Е., 2004
© Елена Колина, 2004

Содержание

Пролог	5
Часть первая	15
Глава 1	15
Глава 2	21
Глава 3	26
Часть вторая	35
Глава 1	35
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Елена КОЛИНА

ПИТЕРСКАЯ ПРИНЦЕССА

Пролог

21 ноября 2002 года Маша Раевская прилетела в Питер.

Маша родилась в городе трех революций и с детства твердо знала, что она – дитя революции; слова эти звучали для нее и по-домашнему интимно, и вызывали общие для всех ассоциации – комиссары в пыльных шлемах, родные по детству неуловимые мстители на фоне розового заката, «Гайдар в шестнадцать лет командовал полком, а у тебя опять двойка по русскому!...».

Тридцатилетняя женщина-девочка в джинсах и с рюкзачком, пытаясь разглядеть раскинувшийся внизу город, так ввинтилась в иллюминатор, что казалось, сейчас вылетит из окна в сумрачное питерское небо, почему эта русская Маша с американским паспортом – дитя революции?

Маша улыбнулась, будто чашки весов покачнулись, – правый уголок губ поднялся, а левый опустился. От улыбки стала печальной, похожей на переодетого девочкой Пьеро, которому строго велено не грустить.

Полгода назад, в самом начале лета, Маша подумала: если в этом году приедет в Питер, то дальше все у нее будет хорошо. Вот именно все и именно так – просто, без затей хорошо. Маша часто загадывала по мелочи: если первым встретится мальчик, если сегодня работает знакомая продавщица, если мимо пробежит кот, если прямо сейчас зазвонит телефон, если, если... и тогда... за «тогда» обычно следовала незначительная приятность. Настоящих трепетных, важных желаний Маша не загадывала – побаивалась доверять свою судьбу встречаемым мальчикам, котам и продавщицам. А тут вдруг загадалось так глобально – «...тогда ВСЕ будет хорошо!».

Случайная, словно игрушечная, мысль цепко сгребла Машу в беспомощную кучку и, не отпуская, принялась играть с нею, как котенок с привязанным на веревке фантиком – отворачиваясь, то притворно, то искренне, и, наконец, вцепляясь коготками так, что не оторвать. «Глупости! Конечно же, я не полечу в Россию. Я ведь, собственно, ничего и не загадывала, а так просто подумала...»

Пограничник у трапа сказал Маше от имени Родины «Добрый день». По-русски. Маша взглянула на низенького паренька в пятнистой форме, как собака, услышавшая незнакомую команду, – недоуменно и робко, – и ответила Родине:

– Hello!.. Добрый день!

Маша стояла у выхода из аэропорта и вдумчиво дышала. Проверяла воздух – особенный ли он, родной или такой же, как везде, только чуть более задымленный.

Клевая девчонка, подумал таксист, выбирая себе Машу в пассажиры. Переступает тонкими джинсовыми ножками... такая мелкая по сравнению с огромной сумкой, разлегшейся рядом с ней на асфальте грязно-рыжим кожаным кабаном.

– Можно мне на Петроградскую? – теплым баском спросила девчонка.

– Можно, – разрешил таксист. Ему сразу захотелось Маше покровительствовать. – Со мной все можно.

Вывернув голову так, чтобы видеть Машино лицо, таксист потянул за собой потертого кабана на колесиках, размышляя на ходу: «А она и не девчонка вовсе, тридцатник точно есть! Лицо у нее странное. Западаешь сразу – значит, красивая. А посмотришь поближе – нос кривой, рот большой... вроде не красивый, а смотреть все равно хочется...»

Маша гордилась своей независимостью. Как же правильно она придумала, чтобы никто ее не встречал! Специально так решила. Не хотелось в аэропорту обязательных улыбок, натужно радостных возгласов типа «Ты совсем не изменилась!». И чтобы самой не отвечать. Не растрачиваться попусту на ненужную сейчас дружескую ерунду, сохранить себя для встречи с Питером. Маша собиралась всласть поплакать по дороге из аэропорта домой. В Америке, как ни смотри, ни кусочка Питера не увидишь, а вот Маша умудрялась. Она научилась сама дорисовывать картинки, смутно напоминающие Питер. Случайно выбранный взглядом дом, пусть даже не весь, – редко везло, чтобы сразу целый дом, – а какие-то элементы декора, оконный переплет, нечаянный изгиб рисунка, похожего на питерский модерн как гусеница на бабочку, физик на лирика, божий дар на яичницу... а там вдруг и балкончик привидится, как на Петроградской.

Больше возможностей для ностальгии давали запахи. Все же хоть и Америка, а человеком и там пахнет! Здесь Маше кое-что доставалось. Вдруг весной ударит каким-то дуновением. От асфальта, покрывающего чужие мостовые, ранней весной исходил особенный запах, привычно наполнявший ее детским восторгом. Как будто ей десять лет, и сегодня первый теплый день, и бабушка наконец разрешила ей вместо надоевших колготок надеть белоснежные гольфы, и Маша выставила белые после зимы колени. Так только говорится, что белые. На самом деле голубоватые в синеву, как у всех ленинградских детей... и все это было – счастье. Маша тоска по Питеру не была злой от боли, как в воспоминаниях первых эмигрантов, выгнанных из России красными. Ее тоска была как печаль по детству, приятно-грустная, уютная. Днем Маше было в Америке замечательно, а вечером, перед сном, она разворачивала тепленький платочек со своей маленькой симпатичной тоской, чтобы заснуть в Питере, на Петроградской стороне, на серо-рыжей улице Зверинской, напротив зоопарка.

Маша смотрела из окна на шоссе, ведущее из аэропорта в город, и ровным счетом ничего не чувствовала. Она глядела на бывший свой город честно, безо всякой эмигрантской предвзятости. Желания убедить себя в том, что выбор сделан правильный, заметить все плохое, позлорадоваться с высокомерной ухмылочкой: мол, и воздух грязный, и жизнь ужасная в вашей Рашке, – нет у меня, честное слово, ну ни капельки! Так думала Маша, равнодушно отмечая провинциальную бедность скучных зданий вдоль шоссе. Да, конечно, на выезде из аэропорта ни один город не выглядит нарядным красавцем, но скука американского индустриального пейзажа хотя бы расцвечена множеством огней, яркими рекламными щитами, а здесь, у них в России, темно, как в прошлом веке... И еще. Какие, оказывается, смешные, не похожие на машины эти уродцы «Жигули»! Неужели они когда-то были такими вожделенными? А люди еще и классифицировали этих уродцев самым подробнейшим образом. «Шестерка», например, считалась куда лучше «тройки», а «восьмерка» или «девятка» казались по-западному элегантными.

– Ой, у вас тоже теперь реклама, – удивилась Маша огромным щитам.

Томная, растрепанная, с отпечатком послелюбовной неги на лице блондинка припала к растянувшемуся на травке бизнесмену, скорее всего своему шефу. «Уверенным людям – уверенная связь», – утверждала реклама.

«В каком смысле? Они любовники? Уверенная любовная связь на природе? – всерьез задумалась Маша и недоуменно высунулась из окна. – А-а, имеется в виду мобильная связь, вот что...»

Вот направо Ленин, простер руку над Московским универмагом. Раньше Маша никогда не задумывалась, почему Ленин такой невероятно длинноногий и узкобедрый. Просто секс-символ, супермен, куда там Шварценеггеру!

А вот здесь, у метро «Парк Победы», прежде было кафе с теплым названием «Шоколадница», обрадовалась воспоминанию Маша. А теперь? «Мир кафеля». Жаль, пухлые булочки со взбитыми сливками так чудесно пахли!

По дороге Маше встретились еще несколько различных миров – «Мир ковров», «Мир обоев», «Мир сантехники». Маша поежилась, представила, каково человеку, случайно попавшему в этот мир-склад. Бродит он среди ковров, натывается на разноцветные стопки кафеля, то на один унитаз присядет-пригорюнится, то на другой... А вокруг обои, обои... Люди, где вы? Ни одной живой души... Она вздохнула.

– Что же никто не встречает? – поинтересовался таксист.

– Нет у меня тут никого. Никого не осталось, – жалобно ответила Маша.

И таксисту, отцу новенького младенца Анатолия и мужу своей третьей жены, тут же захотелось стать Маше родной матерью.

«Противно все-таки, когда никто не встречает. Крадусь в свой город, как чужая. Иностранная туристка, мать твою, гостя нашего города. Вот она, из окна с благожелательным интересом рассматривает Санкт-Петербург», – ворчала про себя Маша. Она напряженно искала в себе долгожданную нежность, как будто, запустив руку в большую коробку с подарками, неистово шурша оберточной бумагой, рылась в надежде вытащить на свет что-то заветное – ну хоть крошечное волнение, какую-никакую растроганность, трепетное узнавание, в общем, что-нибудь такое, от чего можно длинно и щекотно вздохнуть – ах!..

Проехали по Фонтанке, повернули к Михайловскому замку, постояли в пробке у Летнего сада. Маша покосилась в сторону Моховой – там, в Мухе, витает Машина юность со всем положенным набором – любовь, измена, предательство. Что там еще должно быть?..

«И что? Прошное и то, что сейчас со мной происходит, – все это уже МОЯ СУДЬБА? И это все?!» – вдруг зло и требовательно спросила неизвестно кого Маша. Противный тоненький голосок, как ногтем по заледенелому стеклу, больно царапнул по сердцу: «Да, девушка, все это УЖЕ ТВОЯ СУДЬБА».

Очувтившись на Петроградской, там, где справа мечеть, а слева зоопарк, Маша вдруг почувствовала, что сжимается внутри, словно резиновая кукла, из которой выкачивают насосом воздух. И горло, забыв, как пропускать воздух, выставило на пути комок.

– В-ва... – промычала Маша, махнув рукой в сторону зоопарка. У нее мелькнула совсем уж дикая мысль – а не попросить ли таксиста заехать в зоопарк? Ведь звери живут по многу лет. Может быть, слон или, например, крокодил помнят ее...

У дома на Зверинской она вышла из машины.

– Может, завтра еще куда поедем? Могу и город показать. Или там в Пушкин... Бесплатно... – Таксист сам не ожидал от себя такого странного предложения, все-таки третья жена и младенец Анатолий...

– It's OK, – рассеянно отозвалась Маша, и таксист поволок за ней сумку. – На втором этаже жила моя лучшая подружка Нинка-свининка... переехала, наверное. Столько лет прошло... – интимно вздохнула Маша и обернулась к таксисту.

Тот принялся рассматривать в душе новый вариант жизни, в которой не будет ни жены, ни младенца Анатолия.

– Спасибо, с вами было так приятно! – Маша беспомощно улыбнулась. – До свидания.

– Я дома!

Маша обняла воздух перед собой. Она частенько беседовала сама с собой голосами героев любимых мультфильмов и сейчас повторила ворчливым голосом Винни-Пуха:

– Я дома, и где же мои горшки с медом?! Почему меня никто не встречает?!

Какие могут быть горшки с медом, что вообще может быть в брошенном десять лет назад доме? Если только нежить из углов ползет... Пыльная тишина с чуть сладковатым тленным запахом, а вовсе не смех, радость, любовь, запах пирога с яблоками, папин глуховатый голос. Маша порылась в буфете. Там, на полке, за синими с золотом чашками, притулилась кукольная

посудка – розовая с голубой каемочкой чашечка с блюдечком остались от кукольного сервиза. Сервиз подарили Маше на пятилетие, и лет до десяти она ужасно им дорожила.

Маша вытащила из сумки маленькую бутылочку, специально прихваченную из самолета для ритуального выпивания на родной кухне, плеснула коньяк в розовую игрушечную чашечку и села у окна.

– Ты перестала пить коньяк по утрам? – спросила Маша себя густым уютным голосом Карлсона из мультфильма и тут же сварливо ответила за фрекен Бок: – Да, перестала... то есть нет, не перестала.

Маша сама не знала, как ей удобнее думать, – приехала она из суеверия, поддержать свое «чтобы все было хорошо» или же с ностальгическим визитом: Питер, юность, друзья... А может быть, все же по делу? «Дела» она ужасно стеснялась. Маша страстно, до противной дрожи в груди, хотела издать свою книгу.

В эмиграции случилось поветрие – вдруг все начали писать. Вспоминали, переосмысливали. Все известные люди давно уже вспомнили все, что желали вспомнить, теперь о них принялись вспоминать неизвестные, те, кому когда-то привелось постоять рядом. Неизвестные делали вид, что вспоминают об известных, а на самом деле норовили рассказать о себе. Другие письменно излагали информацию о своих семьях. Это называлось «пишу историю семьи» – простенько и со вкусом.

Чтобы увидеть свои опусы напечатанными, на какие только ухищрения не пускались! Историю семьи чаще всего издавали в Америке за свой счет крошечным тиражом, в пятьсот, к примеру, экземпляров, и весь тираж держали в шкафу в гостиной. Вывешивали тексты в Интернете в надежде, что кто-нибудь заинтересуется. Проведав, что издать в России значительно дешевле, вступали в запутанные отношения с частными издательствами и, проклиная жуликов в стране, где «все осталось как раньше», заключали с ними невнятные договоры на одну-две тысячи экземпляров. Поднимали старые советские связи, пытаясь использовать типографии институтов, где когда-то работали.

Некоторые застенчиво графоманили рассказы. А потом – раз в конверт, два – в другой, и перелетными птичками за океан, на Родину. Родина же на то и Родина-мать, чтобы заинтересоваться душевными движениями своих детей. Бывшие советские, по-советски же угрюмые толстые журналы не отвечали, а новые приветливые частные издательства радовались: желаете издаться – извольте, издадим с удовольствием за ваш счет.

Отец Машин, Юрий Сергеевич Раевский, по бесчисленным своим дружеским связям, а также из уважения к его статусу университетского профессора, а значит, хоть и химика, но человека, не чуждого культуре, был завален просьбами прочитать, проглядеть, посоветовать, высказать свое мнение о стиле любимого племянника, дочери друга, жены сына... Он честно просматривал все, о чем просили.

Литературные излияния эмигрантов были, по его словам, похожи на человека, лакомящегося конфетами под одеялом.

– Все это напоминает письмо издалека любимой тете: «У нас все хорошо, скучаем за вами, не приезжайте». Что-то выходит неестественное, когда издалека хотят порадовать публику ностальгическими записками о том, как тоскуют по прежней жизни, при этом замечательно чувствуя себя в нынешней.

– Я пишу исключительно для себя. Так просто, буквы в слова складываю, – объясняла Маша отцу специальным детским голоском.

Но по мере того, как буквы складывались в текст, Маша все больше к ним привыкала. И как-то незаметно возникла мысль о том, чтобы книгу издать. И совсем незаметно робкая поначалу мыслишка выросла в страстное желание – увидеть на обложке «Мария Раевская»...

– Я пишу не историю своей маленькой личной жизни, а роман про семью, друзей, значит, про время... – защищалась Маша. – Не смейся!

– В тебе вдруг отозвалось, что ты выросла среди пишущих людей. Все наши друзья, твои детские стихи, дружба с мальчиками Любинскими... – высказался Юрий Сергеевич. – Смотри, Машка, желание увидеть свое творение напечатанным – страшная вещь!.. Забирает человека до косточек...

Маша обидчиво подкисла, но книгу дописала.

«...Я попыталась рассказать, какое золотое у меня было детство, какие замечательные, необычные люди меня окружали. Я могла бы всем нам раздать маски: Бабушка – великая женщина, Дед — настоящий ученый, папа — всеобщий друг, мама — небывалая красавица, баба Сима — развеселая частушечница, ну и себе я взяла бы маску — Любимая девочка. Я нисколько не хотела нарисовать горестную картину – девочку, которую все любили так по-разному, что ей приходилось все время лавировать между родными. Нет, детство мое было золотым и розовым, полным такой любви, что я до сих пор живу этим запасом. Бабушка, самый главный человек в моей жизни, не любила маму. Они почти не общались. Ну и что? Мне даже не нужно было привыкать к этому. Ведь к солнцу и дождю не привыкают, — они просто есть и все. И я жила в такой неге и любви, как медвежонок, обернутый в теплую маму. А мои отношения с мамой вовсе не были тривиальной историей о легкомысленной красавице, которой нет дела до дочери, а только до своих романов. Я не могу сказать кокетливую фразу: «Мама меня не любила» — и, стыдливо так потупившись, обвинить ее во всех своих неудачах. Она была такая... грандиозная! Жить с ней рядом уже было счастье. А иногда трогательная, как ребенок. Я думаю, что человеку трудно жить с такой красотой. Я была очень счастливой девочкой. А если немного врушкой, то лишь потому, что врать было гораздо интереснее, чем говорить правду».

Вот такой получился конец. Поставив точку, Маша полюбовалась на свою совершенно настоящую книгу. И каждый вечер понемногу любовалась, а потом взяла и послала по электронной почте в самое большое питерское издательство. Послала и принялась нервно ждать. Отец, конечно, был, как всегда, прав – ее забрало. Да как еще забрало! В назначенные издательством три месяца никто не позвонил, Маша прибавила для приличия еще месяц и позвонила сама. Она намеренно выбрала время, когда была дома одна, но на всякий случай, словно кто-то мог посмеяться над ее возможным позором, заперлась в ванной с телефонной книжкой. В одной руке зажженная сигарета, чтобы немедленно затянуться для поддержания духа, а другой она набирала код России, Петербурга и, наконец, номер редакции, по которому четыре месяца назад велели узнавать о судьбе ее рукописи.

Низкий женский или высокий мужской голос в трубке лениво произнес:

– Сейчас поищу...

Из своего американского далека Маша мгновенно глупо удивилась – почему ей ответили по-русски и почему таким сонным, совсем «неофисным» голосом.

– Как вы сказали, Мария Раевская? А название? «Питерская принцесса»?

Маша не была мнительной и никогда не подозревала подвоха. Но почему-то ей показалось, что голос на другом конце провода только сделал вид, что пошел куда-то узнавать, а сам положил трубку на стол и притаился. За ее, Машин, американский счет и ее собственные нервы!

– Мы вашу рукопись потеряли! Никаких следов! – радостно сообщил якобы вернувшийся голос. – Даже не знаю, распечатали ее или нет! Но вы не расстраивайтесь! Пишите нам еще! – вдруг проснувшись, оптимистично посоветовал голос и отсоединился.

Сигарета дымилась на юбке. Маленькая черная юбка, на все случаи жизни, и в присутствии можно, и в ресторан...

– Твою мать! – выплюнула оскорбленная этим сонным голосом Маша, рассматривая дырочку.

Юрий Сергеевич терпеть не мог просить, но Маша так дрожаще молчала о своей книжке, что он предложил поднять старые ленинградские связи в «Звезде» или московские в «Новом мире». Собственно, даже и поднимать не нужно было – всего лишь сделать несколько звонков.

– Ни за что! – гордо отказалась Маша. – Или я сама, или вообще ничего не надо!

– Тогда ты умрешь неизданной, – пошутил Юрий Сергеевич.

Не очень удачно пошутил, ему же пришлось Машу и утешать. Последний раз на его памяти дочь плакала десять лет назад.

Маша привезла в Питер несколько аккуратных зеленых папочек, на всех папочках значилось:

Мария Раевская

«ПИТЕРСКАЯ ПРИНЦЕССА»

Здесь же был записан Машин американский телефон и, для пушей солидности, университетский адрес отца, Раевского Юрия Сергеевича.

Десять лет американской жизни приучили Машу рано вставать, не расслабляться и не трогать времени зря. Поэтому уже на следующее утро после приезда с зеленой папочкой в руках она стояла перед входом в знаменитое серое здание на Моховой. В здании помещалась редакция журнала «Звезда». Знакомые, как собственное детство, белые обложки с размашистой красной надписью «Звезда» рождались здесь. Для бабушки, папы и Маши. Маша почувствовала себя почти что в заднем ряду настоящих советских писателей, и слегка причастной к Довлатову, и даже не совсем чуждой Бродскому...

По этим коридорам ходили... да кто только не ходил! А сейчас идет Маша со своей зеленой папочкой под мышкой. Ходили Зощенко и Ахматова. А теперь идет она. Отрывать занятых людей от дела. Глупостями своими. Графоманией.

Заведующий отделом прозы Сан Саныч, худой и желчный, с лицом таким, что ему страшно предложить не то что первый роман, а даже леденец на палочке, хмуро посмотрел будто сквозь нее.

– Здравствуйте... – слабо пискнула Маша, мгновенно почувствовав себя маленькой нахалкой и страстно жалея о том, что осмелилась прийти в редакцию... как дура!

– А почему вы именно к нам пришли? – спросил он без интереса. – Можно много куда отнести...

Маша молчала.

– Есть ведь и другие журналы! – В его голосе зазвучала печальная надежда.

Маша настойчиво молчала. Попробовала кинуть на Сан Саныча самый свой жалобный взгляд и мгновенно поймала ответный – скучный и неприязненный. Мол, знаю я ваши штучки, знаю и не поддаюсь!

– Ну ладно, что у вас?

– У меня... да так, романчик, – она не решилась назвать зеленую папочку романом, – я вот тут попробовала... подруги в Америке читали, им понравилось.

Сан Саныч оживился, как наостривший свое жало комар.

– Да... так, знаете ли, многие и говорят: «Я написал книгу, жена читала – плакала»...

Маша старательно улыбнулась, показывая, что она поняла шутку и послушно чувствует себя сумасшедшим графоманом.

Сан Саныч поглядел на Машину папочку, словно прикидывая ее вес, и загрустил. Похоже, папочка показалась ему отвратительно толстой.

– Все хотят сразу роман. Нет чтобы принести рассказ... небольшой... – мечтательно произнес он, глядя мимо Маши в окно. – Немаленький роман-то... и зачем вам расписываться, как Лев Толстой? Лучше бы рассказ. Поменьше... а то ведь есть еще и другие журналы, – бормотал он.

– Рассказа у меня нет, – пригорюнилась Маша, – роман только...

Расслышав наконец ее хрипловатый, с интимно-нежными интонациями голос, Сан Саныч на секунду подобрел, безнадежно вздохнул и прибрал папочку куда-то вниз, за себя. Наверное, на пол.

Маша с извиняющейся улыбкой начала отступать к двери, повернулась и свисающим с плеча рюкзачком задела высокую стопку рукописей на столе... О боже! Она прикрыла глаза... Рукописи прыгнули со стола. Листы на полу перемешались... «Нет! Не может быть, это происходит не со мной!» – успела подумать Маша. Это не она, распластавшись на полу, суетливо ползает, собирая бумаги, заискивающе-дебилно поглядывая снизу в глаза Сан Санычу. «Я – преданный дебил, не вредный и не опасный», – из-под стола внушала взглядом Маша.

Час спустя, слегка потрепанная Сан Санычем, она стояла в вестибюле рассеянного издательства, пару месяцев назад потерявшего ее рукопись. Став американкой, Маша научилась использовать все возможности до доньшка. Она надеялась, что к рукописи, то есть к живой зеленой папочке, отнесутся не столь небрежно, как к электронной почте.

По внутреннему телефону Машу спросили полупроснувшимся голосом:

– У вас детектив? – Голос выражал вялую надежду.

– Нет, не детектив. Просто... роман, – робко пояснила Маша.

– Оставьте швейцару, я потом заберу, – велел голос, явно потерявший к ней всяческий интерес.

Голос немного набрал силу, словно проснувшись от укуса, закричал назойливому насекомому «отстань!».

Маша скорчила швейцару извиняющуюся гримаску: мол, вы не думайте, что претендую на писателя. Я так, случайно, сама над своим нахальством потешаюсь... тем более что у меня и не детектив вовсе...

В книжном магазине напротив дома Маша с горестным любопытством проглядела книги, на обложках которых простодушно значились все атрибуты жанра – пистолет, ножницы, бутылек со словом «яд», красавица брюнетка со злым лицом дамы пик, красавица блондинка с порочным лицом дамы червей. Часто встречались кружевные чулки. Девушки носили чулки то на голове, то на двухметровых ногах. Шансов у ее романа нет, вконец расстроилась Маша. Не детектив, не постмодернизм, не сопливый женский роман про любовь-морковь, не чернуха... не, не, не... Ну, еще и не шедевр, конечно, это надо признать.

На последней странице одной явно некоммерческой книжечки она заметила телефон и адрес издательства «Приоритет». Метро «Петроградская», улица Зверинская. В соседнем доме! Маша, ни на что не надеясь, занесла туда рукопись, как заносят домой пакет с продуктами по дороге в театр или в гости.

Издательство со строгой вывеской «Приоритет» занимало небольшую комнатку в длинном полутемном коридоре и выглядело сиротой среди пышных соседей – брачного агентства «Сказка» и «Проката шляп». В комнате за маленьким столом сидела девушка-секретарь, пухлощечая, голубоглазая и светлокудрая, похожая на рубенсовских ангелов – толстых и веселых. Когда толстушка извинилась за то, что редактор отсутствует и не может поговорить с автором прямо сейчас, она показалась Маше уже совершенным ангелом. Ангел взял зеленую папочку, нежно улыбнулся на прощание, и Маша почувствовала себя так сладко, будто ангел посвятил ее в писатели.

Воровато оглядевшись по сторонам, она проскользнула в «Прокат шляп», перемерила все шляпы, береты и цилиндры, пообещав зайти вскоре за черной бархатной шляпкой с широкими полями и желтой розой сбоку.

– Эту шляпу я надену на встречу с читателями, – жарким шепотом призналась она скачущей шляпной выдавальщице. – Как думаете, мне пойдет черная шляпа? Мне, самой светлой голове нашей с вами современности, – произнесла она блеющим голосом недотепы Андрея Мягкова из фильма «Служебный роман». – Мы, писатели... э-э-э... вообще эксцентричные люди...

– Прикалываетесь? – с пониманием отнеслась к посетительнице шляпная девушка.

– Прикалываюсь, – с готовностью призналась Ма-ша. – Хорошо на Родине! В Америке я за десять лет ни разу... как правильно сказать? Не прикололась? – Девушка, похоже, сомневалась. – Или так не говорят? Тогда по-другому: в Америке я никогда не прикалывалась.

– Бедная вы, – вздохнула девушка.

– Зато мне шляпа идет.

– Ее, ит из, – подтвердила девушка.

– Мы с вами могли быть подругами, – задумчиво произнесла Маша.

– Не-а. Вы в Америке живете.

Это прозвучало так, будто Маша коротала жизнь червяком под кустиком на захудалой даче.

Придя домой, Маша сделала себе строгое, но непродолжительное внушение: даже если книжку никогда не издадут, это не причина для уныния! Уныние – самый страшный грех, а у нее, слава богу, все живы-здоровы! Издать свое произведение – просто прихоть, а неисполнение прихотей чрезвычайно полезно для самосознания и духовного развития. Ведь всем известно, что именно неудачами человек поливает и удобряет это самое свое духовное развитие и самосознание. И тогда оно дорастает до размеров большой тыквы...

– Не хочу самосознание размером с тыкву! Хочу книжку! – Маша продолжала психотерапевтическую беседу с собой звонким голосом радиодиктора: – Мы прочитали, нам очень понравилось! Мы будем вас издавать огромным тиражом! Чтобы вашей книгой смогла наслаждаться каждая доярка Советского Союза! – Маша скромно поклонилась себе в зеркало. – Ах, черт, Советского Союза больше нет! Ну, тогда извините, ничего не получится!

Телефон зазвонил через час.

– Можно поговорить с Марией Раевской, автором рукописи «Питерская принцесса»? Я из издательства «Приоритет».

– Это я, – просипела Маша, лихорадочно прокручивая в голове варианты: всенародная слава... престижная литературная премия... известность в кругах знатоков... Позвонили в тот же день! «Не гениальное ли произведение я написала?» Маша представила, как дает интервью, скромно и чуть устало.

– Маша, это ты? – радостно вскрикнул голос. – Это я, Нина.

Маша с Ниной сидели в «Кофе Марко» у метро «Петроградская», исподтишка рассматривали друг друга, изо всех сил демонстрируя обязательное после десятилетнего перерыва дружелюбие зеркальными, подчеркнуто светскими улыбками.

«Нина похожа на постаревшего немецкого пупса», – размышляла Маша.

В бедном Нинином детстве не было немецких кукол, а у Маши было целых две: одна – добрый блондинистый пупс, «хорошая девочка», и вторая – темненькая, надменная, порочная – «плохая девочка». В играх Маша всегда выбирала быть «плохой», а Нина «хорошей».

«В тридцать с небольшим уже поплыла, разрыхлилась, а щеки смешные, пухлые, как в детстве» – так думала Маша.

«Машка еще лучше стала, чем в юности. В нашем возрасте темные прямые волосы старят, а ее вот ни капельки... И ни морщинки! А какая тоненькая... и что только они там, в Америке, с собой делают!» – так думала Нина.

– Это же просто бразильский сериал, – так встретиться! Мне твою рукопись сегодня принесли, у нас такой бардак, она могла бы два месяца проваляться у секретаря, – от легкого смущения затараторила Нина. – Да я и не смотрю никогда сразу, а тут – будто кто-то под локоть толкнул – читай, мол. Представь, открываю, и на первой же странице Маша Раевская! Живет на Зверинской, родители в точности твои! Я читаю и не понимаю ничего. Просто какое-то типичное деважю. Знаешь, есть такое чувство, деважю называется?

– Дежа-вю знаю. Кто же его не знает, дежа-вю-то! – кивнула Маша без улыбки.

– А когда про подругу Нину прочитала, которая на нижнем этаже живет, будто что-то к горлу подступило. Не понимаю почему, даже валокордин выпила... И вдруг меня как ударило! Это же ты, Машка, ты написала!!! Обо всех нас. А ты такая же хорошенькая... мы лет десять не виделись... обо всех, кто уехал, хоть что-нибудь знаю, только о тебе ничего. Ты прямо как испарилась... Нам апельсиновый сок, – махнула Нина официантке. – Естественно, свежесжатый! Машка, тебе здесь нравится? Это кафе довольно простое, а у нас теперь есть и другие, очень манерные!

«Манерное кафе, – подумала Маша, – это хорошо или плохо?»

Нина производила впечатление деловой дамы и тяжеловатым, чуть от вчерашней моды серым пиджаком в стиле «депутат Балтики», и особенно целым набором разложенных на столе предметов – ключи от машины, диктофон, ежедневник в черном переплете... На шее, перепутавшись цепочками, висели телефон и очки.

– Машка, а мне сегодня приснилось, что я в каком-то чужом доме вешаю занавески... Знаешь, что это значит? – Нина торжествующе улыбнулась, как фокусник, наполовину вытянувший кролика из шляпы. – Ждите гостей, вот что! Почему же ты не позвонила? А где остановилась?

– Дома, на Зверинской, в собственной квартире... Нинуля, почему у тебя две сумки?

– Здесь бумаги. – Нина показала на рыжий женский портфель. – А это сумочка моя. – Она полезла за чем-то в сумку и, на секунду удивившись, вытянула оттуда мокрые детские плавки и зеленый водяной пистолет. Задумчиво оглядела все это и сунула обратно. – Позавчера в бассейн Женечку водила и забыла вынуть... Господи, да о чем мы говорим, какие сумки! Я сейчас заплачу от радости! Да, самого главного ты не знаешь! У нас же еще Венечка! Ему семь лет, он пошел в первый класс, в английскую школу. – Маша вежливо кивнула и сделала растроганное лицо. – А почему не позвонила?.. Слушай, Машка! Мы сегодня едем в гости к Бобе, поедешь со мной! Представляешь, какой будет для всех сюрприз!

– Ты не изменилась, Свининка! – Маша легонько дотронулась до руки Нины.

В детстве всегда радостно-оживленную толстушку Нину называли Нинка-свининка. Ею и правда хотелось сначала полюбоваться, а потом съесть. Или по крайней мере ущипнуть за нежно-розовые тугие щечки. Повзрослев, она уже на «Свининку» обижалась, разрешала только Маше. Вокруг Нины витали страсти и страстишки, интриги и интрижки, обиды и обидки. Но сама Нина никогда ни с кем не ссорилась, ни на кого не обижалась и ни с кем не расставалась. Правда, изредка люди пропадали из окружающего ее дружеского хоровода сами – слишком непосредственно смешивала Нина всех расставшихся и поссорившихся, не замечая, что некоторые не хотели попадать в коктейль.

– Зачем же мне меняться? Лучше я тебе про всех расскажу. В общем, конкретика такая: что я теперь редактор, ты уже поняла.

– Нина, что за слово такое странное – «конкретика»?

– Нормальное слово, так все говорят. Я знаю, я же редактор. Так вот, Женечке уже девять лет! Он такой... увидишь! Антон занимается дизайном, квартира теперь вся наша, у мамы комната, у Женечки и у нас! Только ремонт еще не сделали, очень дорого! Так, про нас в общих чертах все. Теперь про всех. Боба теперь очень успешный бизнесмен, а Гарик – гениальный писатель. Я лично не разбираюсь, но он гений. Последняя его книжка написана со середины. Представляешь? Я и так, и так вертела, и со середины, и с начала, мне это не по уму. Хотя я и редактор. Машка, а я ведь твою бабушку часто вспоминаю! Берта Семеновна, думаю, сказала бы так... – Нина замолчала, и в ее озабоченном лице вдруг на секунду беззащитно высветилась девочка, вылитая Красная Шапочка, миленькая и добренькая.

Упоминание о Берте Семеновне распустило тугую настороженность между ними, и оказалось, что можно взять и внезапно перейти к бывшим своим отношениям. Нина опять, как в детстве, была в Машу влюблена, а Маша заново уютно устроилась в Нинином восхищении. Следующие полчаса они шептались, склонившись друг к другу, одинаково подперев руками щеки и чуть заметно покачиваясь в такт.

– Я приеду в гости к Бобе! – Маша вдруг резко откинулась на спинку стула. – Сама приеду, не с тобой. Можно мне одной приехать?

Нина улыбнулась. Маша всегда так трогательно спрашивала «можно мне?» про всякую ерунду: «Можно мне здесь сесть? Можно мне взять эту чашку?» Всем становилось ужасно мило, будто они действительно могли что-то Маше запретить или позволить. Хотя и понимали – это просто манера, а все равно хотелось немедленно разрешить Маше все.

– Можно я возьму такси? И приеду! Только ты никому не говори. Пусть будет сюрприз, внезапный приз!

Часть первая

Глава 1

БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ

– Нап-половину новорусская г-готика, нап-по-ловину го-осподский д-дом в Псковской губернии, и обе п-половины – ху-удшие, – так, заикаясь больше обычного, оценил дом своего богатого брата Бориса Владимировича, Бобы, приглашенный для независимой родственной экспертизы Гарик Любинский, писатель, критик, эссеист и эстет. Гарик машину не водил, поэтому Боба привез его на своем «БМВ» – посмотреть почти готовое здание.

Красный кирпичный замок-монстр, весь в башенках с узкими окошками-бойницами, возглавлял вьющуюся за ним серую ленту скрюченных домишек с повисшими набекрень ржавыми крышами, уверенно обозначая, что он здесь один на всю округу хозяин. Дом был таким нахально огромным, словно кротко служил иллюстрацией к смятой копеечной книжице «Анекдоты про новых русских». Правда, вопреки моде располагался дом в безнадежно непрестижном месте. Не на Финском заливе и даже не в одном из дорогих, но считающихся более демократичными коттеджных поселков в Приозерском направлении, а в семидесяти километрах от Питера, на берегу реки Оредеж. Дом стоял на самом краю поселка Сиверского. В той его части, что находилась вдалеке от всех дач и считалась всегда сугубо поселковой. И жили там только местные, даже дач не было.

– Существуют две концепции строительства. Вы должны выбрать, – важно объяснял Борису Владимировичу Очень Дорогой Архитектор.

Достаточно честный профессионально человек, он давно уже научился мириться с архитектурными причудами своих недавно разбогатевших клиентов. Строил Очень Дорогой Архитектор умно. Было известно, что в его домах никогда ничего не взрывалось, не прорывало водопровод, потолок не сползал на пол, отопление не отключалось при минус десяти, мгновенно, но зато уже до самой весны, а хозяева были лишены возможности навечно запереть себя в гараже при помощи дистанционного управления в собственных неумелых руках.

– Так вот, две концепции. Нам с вами необходимо либо вписаться в окружающий нас деревенский пейзаж и выстроить помещичью усадьбу... кстати, у вас здесь просто натуральный Шишкин. – Архитектор повел рукой в сторону реки, где радовала глаз пухленькая зеленая поляна, плотно покрытая толстенькой травкой.

Река Оредеж склочно бурлила и пенилась в узких берегах, словно щенок, яростно протискавающий свое толстое тельце сквозь щель в заборе. Но здесь, напротив будущего Бобинского дома, она была простодушной и невозмутимой, как летняя лужа. Заросший высокими соснами холм съезжал в реку крутым красно-песочным обрывом, в медной воде отражались сосны высотой до неба. Беспросветный пушистый ельник на берегу. Тишина.

«Здесь все настоящее, – подумал Очень Дорогой Архитектор, – и пахнет детством. Будто в десять лет, наполненный счастьем до краев, идешь после дождя копать червей для рыбалки».

– Елочное место тут у вас, пушистое, большое. Красота именно русская – такая, что сердце болит, – растроганно вздохнул Архитектор.

Боба серьезно кивнул.

Архитектор испытывал благодарное уважение к этому молодому еще мужчине за то, что тот нашел и оценил такую немодную, негламурную красоту.

– Необходимо вписаться в это идиллическое очарование либо придумать нечто особенное и нарочито выделиться из окружающего пейзажа...

Когда-то давно маленькая Бобина дочка выдала:

– Мой папа – человеко-мужчина.

Борис Владимирович породы человеко-мужчина, Боба, всего добившийся сам, не захотел «вписываться», а захотел «выделяться». И теперь его замок выстреливал из поселка, как большой палец в руке, сложенной в жесте «Во!».

Архитектор давно заметил, что деньги, большие деньги, помимо известного всем влияния на нравственный облик, сказываются еще кое на чем. Конечно, для каждого «большие деньги» – понятие сугубо личное. Это в общем-то деньги, которые сам человек считает большими... Так вот, эти «большие деньги» будто задвижку какую-то поворачивают в мозгу. И вступают в странное, прямо-таки химическое взаимодействие со всем, что у человека внутри содержится. Казалось бы, интеллигентный гражданин, книжки читает, слушает Малера... а в душе страстно хочет «чтобы богато». И просит сделать «красиво». Пусть блестит, золотится, искривляется шаловливым рококо. А сбоку чтобы резьба и зеркала – барокко. Чтобы гости ошеломленно сказали: «Ну, прямо музей!» Никогда не известно, какие детские комплексы вспенятся. Похоже, очень многие с детства мечтали жить в Эрмитаже.

Вот и этот молодой человек, судя по тому, какой дом он хочет, видимо, в нежные годы увлекался игрой в рыцарей... или рыцарскими романами зачитывался, рассудил Архитектор. Хотя такие, как он, наверное, и вовсе не читают, и в глазах у него доллары щелкают, щелк-щелк.

– Так что будем с вами вместе дом строить... А кстати, знаете, что произошло с известным «домом-пряником» на Московском проспекте?

Архитектору захотелось рассмешить собеседника, и он рассказал ему, как всякий вновь въезжающий в этот дом сносил стены и бодро передельывал добротную сталинскую квартиру во дворец спорта. Перекрытия не выдержали, и дом поплыл, скосбочился, словно желая вывалить из себя своих обитателей.

– Это уж ваше дело, чтобы мой дом не рухнул, – опустив вежливый намек на улыбку, ответил Боба.

«Взгляд у этого молодого человека такой жесткий, будто две кнопки из глаз торчат... и сам словно в панцире», – расстраивался Архитектор по дороге домой. Недавний его клиент был мягким, суетливым, с кошачьими манерами. После общения с ним возникало ощущение, будто они вместе, урча, лакали из блюда сметану. А новый заказчик... Архитектора неуютно поклевывала обида – будто его использовали. Сцарапали жесткими когтями все самое вкусное, а остальное выбросили за ненужностью. Да как он смеет демонстрировать такое истинное, без всяких прикрытий, безразличие! Этот Борис Владимирович! Не человек, а... калькулятор! В глазах доллары щелкают! «Правильно, – усмехнулся склонный к самоанализу Архитектор, – лучше пусть он будет нечеловеком, чем я – недостойной его внимания неживой природой!» Так и свербило – отказаться от заказа! Но упустить такую выгоду немислимо. Значит, необходимо расслабиться. Может быть, еще получится наладить с этим роботом человеческие отношения?

«Человеческие отношения» наладить не удалось, но здание они вдвоем с Бобой построили. В том, что дом получился показательно «новорусским», не было вины Архитектора. Строеение все-таки не походило на совсем уж наивную краснокирпичную новорусскую готику с элементами вопиющего ампира, его уже можно было ласково назвать эклектичным. Красный кирпич, башня с крышей-колокольчиком. Любинский во что бы то ни стало хотел именно такую – колокольчик напоминал ему большой добротный дом в Разливе, где в детстве он подолгу гостевал у Юрия Сергеевича Раевского, дяди Юры. На верхушке башенка украшалась бойницами и остроконечным фронтоном, – дом все же стал средневековым замком. Узкие готические окна в башне, круглые балконы в самых неожиданных местах, балюстрада, кованая

дверь. И неловко признаваться, но у входа – колонны. И еще почему-то разные цвета. Желтый кирпич, белая отделка и неожиданно голубая штукатурка задней стороны.

Наивно-могучий, как русский богатырь, дом довлел над деревней и окружающим пейзажем и был так уверен в своем праве быть безыдейным, так демонстративно не снисходил до того, чтобы показаться выдержанным в каком-то определенном стиле, что стал уже не проявлением дурновкусия, а торжеством своего хозяина. Сотворил человек, что пожелал, без оглядки на человечество.

Семьдесят километров от Питера для «лендкрузера» – полчаса. Тем более что машины в этом немодном деревенском направлении ездили застенчивые – «жигуленки» и старые иномарки, которые при звуке устрашающего воя сирены вспугнутыми зайцами послушно шмыгали на обочину.

Это просто безумие – поселиться посреди деревенской нищеты, говорили все. Вы только взгляните, что вокруг делается! Вид на реку – красиво, никто не спорит. И земли много, соток сорок. Но глаза же не закроешь и нос не заткнешь! По соседству домишка с забытыми фанерой окнами, серой скрюченной верандой без стекол, а участок украшают остатки жизнедеятельности всех предыдущих поколений: ящики, ржавые бочки, полусгнившие матрасы, жестяное корыто, довоенная газовая плита. Жизнь не стояла на месте, и соседская свалка разрасталась на глазах. Сюда потихоньку перекочевал весь строительный мусор с Бобиного участка. Забор из кроватных панцирных сеток, а у забора часовым торчит беззубая бабка, зимой и летом одним цветом – в валенках и спущенных штанах. Кроме бабки, имеются куры и гуси, а ведь птичий двор поэтичен лишь в сказке, а в жизни, извините, воняет...

– А на фига мне элитная коммуналка! – вот и все объяснение, которым Любинский почтил удивленных родственников. А знакомым и этого не досталось.

Любинский не располагал к советам или высказыванию мнения о его действиях. Поэтому Бобе никто слова не сказал. Но между собой все шептались, что Любинский сошел с ума, всем известно, что жить нужно в коттеджном поселке, посреди людей своего круга, с одинаковым уровнем дохода. А в деревне то украдут что-нибудь, то еще как-нибудь напакостят... чернь, она ведь нет-нет да и с вилами пойдет...

Уже почти год Боба жил-поживал в поселке барином. Боба ни на минуту не пожалел о своем выборе. Не умеет он правильно выбирать, то и успеха бы не было. Изумленный невиданным размахом строительства чужой, почти марсианской жизни, поселок сначала отторгал кирпичного монстра вместе с его обитателями, косился злобно, показывал черные гнилые зубы неприятия. Понемногу привыкли. Теперь местные жители с приближением огромного джипа приостанавливались и, обозначая свою лояльность, неопределенно наклоняли голову вслед проносящейся мимо машине.

Затем вдруг оказалось, что вся местная жизнь сосредоточилась вокруг этого дома. Благотворительностью Борис Владимирович не занимался, а вот работа или работка в его большом хозяйстве нашлась всем. Мужики в свободное от пьяного беспамятства время помогали строить что-нибудь мелкое, незначительное, чинили, подкручивали и приколачивали, возводили парник на заднем дворе, следили за водопроводом, вскапывали землю, белили яблоневые стволы, чистили пруд на участке... Даже бабка в зимне-летних валенках была пристроена по Бобиному хозяйству – оказалась большой мастерицей по баннным травкам. Работа! А местные мужики и ушлые мальчишки следили за домом лучше любых охранников. Боба вылечил в городской больнице ребенка милицейского начальника, отправил сиверского электрика вставить зубы, закодировал от пьянства плотника.

Знакомые в элитном гетто коттеджных поселков маялись, стараясь скрыться от пристальных соседских глаз на своих десяти сотках. Постоянно вскипали маленькие страстные смерчи.

- Не мойте машину возле моего забора!
- У вас до ночи Алена Апина орала! Ну у вас и вкус!
- А если вы все больше по филармониям, откуда знаете, что это Алена Апина?!
- Ваша собака насрала на мой «мерседес»!

Из-за стоящих вплотную кирпичных заборов любопытные жены наблюдали за жизнью соседей – что построили на участке, как отвратительно ведут себя чужие детки, кто к кому зачастил в гости, а кто привез любовницу, пока жена за границей... А доброго помещика-батюшку Бориса Владимировича в Сиверской встречали местные жители – выстраивались на подъездной дороге, снимая шапки.

Сиверские, конечно, тоже внимательно наблюдали за чужой жизнью. Правда, особенно увлечься было не за что. Жизнь в господском доме казалась им слишком стерильной. Какой-то жидкой по сравнению с их собственной, словно игрушечная железная дорога с нарядными паровозиками рядом с настоящим грязным вокзалом, пылящим разными шумами и запахами, пусть неприятными, но зато живыми.

Сам хозяин появлялся не раньше часа ночи, а то и позже. Кроме него, в доме жили жена и дочь, часто бывала теща. Дочку в школу возил водитель, такой надменный в белом хозяйском «форде», будто и не слуга своего хозяина. А жена пару раз в неделю уезжала на своей крошечной ярко-оранжевой машинке, вылитой карамельке, ее так и хотелось лизнуть.

«Скучает, томится», – судачили тетки. Не то чтобы завидовали, завидовали они своим, а барыня эта, Наташа, находилась от их жизни слишком далеко, но почему-то им хотелось Наташу пожалеть. Ее супруг время от времени давал их мужьям возможность зарабатывать кой-какие денежки, вот и теткам тоже не терпелось что-нибудь в ответ сделать для Наташи. А кроме жалости за ее грустное королевино одиночество во дворце, у теток больше ничего для нее и не было.

Любимым объектом пересудов стала девчонка, дочка. Десятилетняя Сонька была круглой и плотной, как хорошо накачанный мяч, и тетки готовы были с утра до вечера жалеть неудачную девку и ее несчастных родителей. Наташа, высокая, прозрачно-хрупкая, с небольшой светловолосой головкой, беспомощно клонившейся на тонкой шейке, напоминала изящную лилию на длинном стебле, а Сонька была не только толста, а к тому же показательно некрасива. И что удивительно, совсем не похожа на мать. Темные жесткие волосы ежиком стояли вокруг толстощекой физиономии, глазки узкие, и, представьте себе, у десятилетней девочки пробиваются темные усики! Откуда она у них такая! Хозяин, Борис Владимирович, очень даже представительный мужчина, хоть и небольшой, полноватый... Темными волосами Сонька пошла в него, а лицом он скорее всего симпатичный... Местные жители не были в этом до конца уверены, поскольку прямо в лицо хозяину никогда не смотрели. И все равно, мужик с такими-то деньгами не может быть некрасивым. А вот девчонка у них подкачала... Тетки не решались кинуть на Соньку насмешливый взгляд, боялись проколоться, – от хозяина, похоже, ничего не ускользнуло бы, они это чувствовали кожей, а свою девчонку он любил так, что флюиды этой любви обволакивали ее, отделяя не только от сельчан, но и от всего мира. Однако жаль родителей, жаль! Эта жалость отнюдь не была такой чистой, как та, что тетеньки испытывали к одинокой нежной Наташе. Им было все же приятно, что и у богатых случаются неприятности в виде, к примеру, непомерно толстого ребенка.

Тещу хозяина, Аллу Евгеньевну, почитали очень важной в поселке персоной. Готовить никого из местных не допускали, зато уборки и стирки для них завались. И командовала на первом прислуги именно Алла Евгеньевна, моложавая и, на взгляд теток, даже слишком тощая для своих лет. Она всегда им улыбалась. На улыбку ее отвечать не хотелось. Мечталось скукожиться и выставить колючки. Но деньги всем нужны, вот и приходилось натужно улыбаться в ответ.

Сегодня, в пятницу, Наташа рано утром уехала в город не на своей машине, а с водителем и дочкой. С ними же и вернулась. Она всегда покупала к выходным много, и тетки научились по загруженности машины распознавать, будут ли гости. Но сегодня машина была необычайно забита пакетами и цветами до самого верха. Даже на коленях Наташа держала цветочный горшок. В приоткрытое окно высовывались странные красные листья. Проезжая мимо магазина, Наташа помахала рукой стайке томящихся у дверей женщин. Одна из них уже несколько раз приходила убирать дом, стирала, в строго геометрической правильности развешивала белье, и Алла Евгеньевна ее не выгнала, осталась довольна.

– Смотри-ка, Соньку-то на заднем сиденье почти не видно из-за цветов! Это ж надо додуматься, цветы сюда из города возить! Да еще зимой!

– Тебе-то что! Гости у них, значит, будут! Это хорошо, что гости, назавтра убирать позовут!

Наташа еще не проснулась окончательно, а боль уже ныла. Сидела наготове у постели, как щенок, страстно и терпеливо поджидающий прогулки, доверчиво дала лапу – на, возьми меня. Этой ночью, после перерыва больше чем в месяц, Боба наконец обратил на нее свое милостивое внимание. Лучше бы он опять остался в кабинете и не спал с ней, чем так, как этой ночью, – обидно-равнодушно, как механический мужчина с механической женщиной. Их отношения и прежде не отличались страстностью, но это были ИХ отношения, со сложившимся годами привычным любовным порядком. А вчерашней ночью с Наташей был чужой человек. Минут десять был. Или восемь. Сейчас между ними словно огромное черное пространство, еще более страшное от того, что Боба лежит рядом. Наташа попробовала прижаться к мужу, притаилась, будто в полусне. Боба отодвинулся.

Наташина связь с Бобой была такой, словно он у нее только что родился. Но ведь это именно мать настроена на ребенка всем своим существом, а ребенок просто живет, старается. Один конец их общей веревочки всегда волновался у Наташи в груди, а сам Боба болтался на другом конце, уверенный, что он сам по себе, отдельно от Наташи.

Уже больше месяца Наташа прислушивалась и приглядывалась, старалась и не могла уловить, что же в нем колобродит. До тонкостей разбирала сама с собой возможные ситуации: бизнес – неприятности – большие денежные потери... любовница – влюбился – хочет уйти... не годились все эти тривиальные причины. Неприятностями в бизнесе он обычно делился, любовница – не причина для тоски. Боба свободен полностью, захочет уйти – поставит Наташу в известность и уйдет. Любая неопределенность с детских лет повергала ее в паническое беспокойство. В детстве Наташа даже просила, чтобы ей заранее рассказали, что именно подарят на день рождения. «Пожалуйста, только никаких сюрпризов!» – умоляла она.

«Я так перенервничала», – подумала Наташа. Так выражалась Берта Семеновна, Машина бабушка... Берта Семеновна давно умерла, но сегодня почему-то вдруг вспомнились эти ее смешные, почти забытые слова.

– Сегодня у нас гости. – Боба встал и потянулся перед зеркальной дверцей шкафа.

В небольшой спальне было несколько зеркал, расположенных так, что, куда ни повернешься, всюду натыкаешься на свое маленькое или большое отражение – в полный рост, поясной портрет, бюст или в крайнем случае голову. Можно было подумать, что сексуальная жизнь в этой спальне вовсе не более чем скромная, а отличается разнузданностью борделя.

– Будут родители и Гарик с Ритой, – добавил он.

«Плечи, руки, какой же он у меня... красивый», – счастливо перечисляя свое достояние, привычно подумала Наташа. Но ее неприятно кольнуло равнодушие Бобы к ней. Раньше после любви он еще какое-то время бывал с ней нежен...

– Как родители? Как Гарик с Ритой? Я же тебя еще в начале недели спрашивала, можно ли мне пригласить Нину с Антоном?.. – Наташа постаралась скрыть обиду и поспешно встала рядом с Бобой, прижавшись к нему тонким плечиком. – Так что, мне сказать им, что сегодня отменяется?

Влажные со сна, сильно выющиеся кольца светлых волос оказались у Бобы на груди, и он слегка отмахнулся – щекотно, мол, отодвинься. Даже босиком Наташа была заметно выше мужа, и на фоне его коренастого тела со слегка оплывшими плечами и плотными жировыми валиками на спине казалась особенно хрупкой. Как длинный тонкий музыкант рядом со своим контрабасом, массивным и значительным.

– А как же моя мама? Она же собиралась сегодня остаться в городе... Вдруг она не сможет приехать? Если твои родители будут без нее, мама обидится.

Расстроенная Наташа походила на олененка и большими влажными глазами, и нервно переступающими, слишком длинными и тонкими ногами, которые как-то ненужно и глупо виднелись в высоком разрезе шелковой ночной рубашки. Ах, эти полудетские трогательные ножки девочки-манекенщицы – нежные и стройные, правда, с неожиданно долгими ступнями и некрасиво выдающейся косточкой. Наташа как-то забывала помнить, что ноги у нее очень хороши, а про некрасивые косточки помнила каждую минуту, стеснялась своих ног. На пляж старалась надевать носочки и даже домашние тапочки носила закрытые по тонкую щиколотку.

– Твоя мама может идти в жопу, – равнодушно предложил Боба. – Как вариант. А хочет, может идти еще куда-нибудь... – Боба зевнул. – Нину с Антоном не отменяй, пусть будут. Стол сделай по полной программе. Деньги в ящике стола. Все.

Глава 2 НИНА

– Женечка, Венечка, мама, я пришла! – с порога радостно крикнула Нина, опустив на пол в прихожей огромный пакет с надписью «Пятерочка», из которого веером торчали длинный, обсыпанный маковой крошкой батон, бугристая палка копченой колбасы «Преображенская» и чуть увядшие на кончиках зеленые перья лука. Черно-белую лакированную сумочку и рыжий дамский портфель Нина уместила на тумбочке поверх красочной стопки журналов «Дизайн», «Интерьер» и «Ваш дом». Рядом приткнулись боксерская перчатка, из которой торчал красный паровозик, прозрачный цилиндр с теннисными мячами «Wilson» и учебник «Русский язык. 3 класс» мрачного фиолетового цвета. При виде учебника Нина поморщилась и прошептала: «К завтрашнему уроку выучить орфограмму и написать сочинение о своей квартире». Текст учебника снился ей иногда абзацами, а иногда целыми параграфами.

Пакет свалился набок, и батон растянулся на полу. Переметнувшись через батон, в пакет ринулась кошка. Серая с серыми же, чуть темнее, полосками Пуська выглядела подчеркнута демократично, словно гордилась помойным происхождением. Пуське и Нине очень повезло друг с другом. Прошлой зимой на кухне поселилась мышь. Нина визгливым вихрем взлетала на табуретку при каждом подозрительном шорохе и каждый вечер умоляла мужа сделать хоть что-нибудь. Потому что она, Нина, от всего на свете может его и Женечку спасти – от пожаров и наводнений, голода и болезней, а он всего лишь раз в жизни должен защитить супругу от мыши. Мышеловку ставить нельзя, ведь Дмитрия почти не бывает вечерами дома, и ей самой же пришлось бы, страшно даже сказать... освобождать мышь из мышеловки.

Пришлось Нине разделить жизненное пространство с мышкой. Однажды вечером Нина, как всегда, дрожала в углу кухни на стуле, стараясь не смотреть по сторонам, а мышка разгуливала у раковины и позванивала чашками, будто собиралась пить чай. Нина выскочила из квартиры в слезах, а Пуська в это время серым комочком замерзала на лестнице. И две бедные души, Нинина и Пуськина, встретились. Нина просто пожалела котенка, вовсе не рассчитывая на законную кошачью пользу от полумертвой от голода комковатой Пуськи. Но как только Пуська водворилась в доме, мышь покинула Нину навсегда. Нине повезло, что Пуська не оказалась котом. Хоть Нина и обязана кормить животину, лечить и выслушивать, но все же не так по-солдатски безусловно, как своих мальчиков – Антона, Женечку и Венечку, и еще маму, которая становилась все бестолковей и суетливей. А иногда Нина даже могла рассчитывать на Пуськино почти бескорыстное сестринское понимание.

– Женечка, я купила твой любимый торт, шоколадный! Венечка, ты где? Мама, ты сделала с Венечкой уроки? – Нина выудила цепляющуюся за колбасу Пуську из пакета с продуктами, сбросила туфли на высоких каблуках и, растопырив пальцы, постояла на холодном полу, наслаждаясь проникающей в усталые ступни прохладой и Пуськиной теплотой у груди. – Ах, черт, торт в машине забыла! И еще Венечкины краски!

Женечка зачарованно глядел на экран компьютера. На экране раздражающе мельтешили рыцари и драконы из игры «Герои магии и силы». Первоклассник Венечка при пиджаке и галстуке, замерев, стоял за спиной брата.

– Мама, почему Венечка не передел форму? – крикнула Нина, счищая ком жевательной резинки, прилипший к рукаву пиджака. – Мне опять гладить костюм!

Вздыхнув, Нина заковыляла на каблуках во двор, к машине. Вытащила из своей старенькой, доставшейся после Антона «шестерки» торт, осторожно, почти неслышно закрыла дверь, привычно вздохнув: «Слава богу, не развалилась». Усаживаясь в машину, Нина всякий раз опасалась, что по дороге отвалятся колеса, отъедет багажник, а она останется одна с рулем в руках и с чем придется. Например, только с передним сиденьем. Ах да, еще Венечкины краски,

где же они? А-а, вот, под сиденье завалились! Нина занервничала. Через час надо выезжать, Боба не терпит опозданий.

Она жарила курицу, резала салат, снимала постельное белье с протянутой в коридоре веревки.

– Опять бабушка простыни поперек квартиры развесила, – недовольно заметил Женечка, выныривая из-под веревки. – А Венька – гад, украл мои краски!

– Я купила Венечке краски!

Нина обхватила Женечку за шею и громко чмокнула воздух, привычно подумав, какой же он у нее маленький. Хрупкий и бледный Женечка напоминал ей придорожный цветок с поникшей головкой. Зазвонил телефон, и с Женечкой под мышкой Нина взяла трубку.

– Ваш сын мешает мне вести уроки! – без предисловий заверещала математичка.

Она, кажется, даже не поздоровалась. Математичка была еще и классной руководителем и позванивала с настырной регулярностью кукушки, которая ежечасно вылезает из стенок часов со своим никому не нужным «ку-ку», лишь раздражающе нарушая правильный ритм жизни.

Математичка продолжала Нину пугать:

– Он пел на уроке!

– Ужас! – неискренне возмутилась Нина.

– Кто из него получится?!

– Может быть, музыкант? – неосторожно предположила Нина и, спохватившись на громко лающее молчание в трубке, добавила заискивающе: – Надо же, вы только подумайте – петь! Я... мы примем меры!

Дома Женечка вился вокруг Нины ласковым дымком. Она решительно не понимала, как же получается, что этот нежный, почти бесплотный малыш, улетучиваясь в школу, материализуется в кого-то, кто, как сообщали Нине последние записи в дневнике, «кидался булочками, скакал по партам и на уроке целился циркулем соседу в глаз».

– На него жалуются все. Две двойки по русскому!

– Я понимаю, как вам с ним трудно, я все понимаю, – осторожно-ласково, почти по слогам, словно дебилу, втолковывала Нина. – Завтра я зайду, да-да, завтра же...

Математичка злобно шваркнула трубкой, пролаяв на прощание что-то вроде «Ну, погоди!».

«Математичке конфеты, а англичанке что? Может, билеты в Мариинку? Опера или балет?» – быстро прикинула Нина и развернулась к кухне. Женечка ангелом поплыл за ней.

– Что у тебя в школе? Женечка!

– Все очень-очень хорошо, – застенчиво отозвался Женечка.

– А почему меня все вместе вызывают? – засмеялась Нина. – Чтобы сказать, какой ты хороший мальчик?

Женечка обиженно отлепился от нее и, подергивая узкими плечиками, горестно прошестел мимо и улетучился в детскую. Почти в ту же секунду раздался энергичный вой – старший брат отогнал Венечку от компьютера.

– Нинуля! У меня сегодня целый день скачет давление! – из своей комнаты выплыла Аркадия Васильевна в блузке с кокетливым бантом и синих шерстяных рейтузах с отвисшими коленями.

– Мамуля, ты юбку забыла надеть.

– Я не забыла, – невозмутимо отозвалась Аркадия Васильевна. – Зачем мне юбка? Я у себя дома.

– Я куплю тебе швейцарский аппарат для измерения давления. Автоматический. – Нина на секунду прижалась к матери плечом. – А ты за это надень юбку.

– Мама! Я получил синий кружок по математике! – на кухню колобком закатился Венечка. Первоклассникам пока не ставили оценок, синий кружок был эквивалентом двойки.

Нина решила, что не станет придавать значения кружкам, иначе свихнуться недолго. Розовый и плотный, похожий на веселого снеговичка, Венечка доставлял ей в основном технические хлопоты – помыть, накормить, уложить спать. С младшим сыном Нине всегда было весело и небеспокойно. Венечка походил на Нину твердой решимостью наслаждаться жизнью, и пока они с Ниной изо всех сил наслаждались друг другом.

– Я сегодня тоже получил замечание! – гордо провозгласил Венечка. – Я ел на уроке.

– Что? Что ты ел? – забеспокоилась Нина.

– «Твикс». Сделай паузу, скушай «Твикс»! – рекламным голосом продекламировал Венечка, весь – одна улыбка.

– Нина! Дай мне что-нибудь поесть! – На кухне неожиданно возник Антон.

Сама Нина обитала одновременно везде – на кухне, в ванной и детской, а в спальне появлялась уже только перед сном. А Антон всегда проскальзывал домой неслышно, так что она могла неожиданно обнаружить мужа в спальне, где он прятался с книжкой или тихо разговаривал по телефону.

– У нас дома очень шумно! – недовольно выговаривал он жене.

– Антоша, у нас мальчик и еще мальчик, – отвечала Нина, виновато улыбалась и закрывала дверь в спальню поплотнее.

Сегодня она не готовила взрослый ужин, считая, что Антон поест в гостях. На Венечкиной тарелке лежала куриная ножка и салат из помидоров и огурцов. Венечка не любил овощи, ему нельзя было дать целиком помидор или огурец, нужно было обязательно очень мелко порезать и замаскировать сметаной или майонезом, чтобы он сделал вид, будто не понял – овощи это, фрукты, рыба или мясо.

Нина быстро подала мужу детскую курицу, на ходу соображая, что дать детям, – сосиски быстрее, но к ним нужен гарнир... тогда лучше пельмени.

– Мама! Я же просил макароны! – склочно заявил Венечка, набирая обиду.

– Поняла, сейчас сделаю! – быстро выстрелила Нина, стараясь успеть до зачатия скандала – Венечка всегда яростно защищал свои права по части еды.

Антон, не отрываясь от курицы и свежего номера «Итогов», пробормотал:

– И где моя черная вельветовая рубашка? А светлые джинсы? Не «Lee», а «Hugo Boss»?

Нина вкрадчиво спросила:

– Антоша, как рыба, вкусная?

Антон кивнул, мол, «ничего рыбешка», но, раздумав сейчас смеяться над его привычной рассеянностью, она поспешно выдала все разом:

– Черная рубашка неглаженная... я уже не успею погладить... Боба будет сердиться, если опоздаем. У Женечки двойка по русскому... и по математике. У Венечки синий кружок. Что будем делать? Может, договориться с математичкой, чтобы она с Женечкой позанималась? По моему, ее уже тошнит от моих конфет! Как ты думаешь?

– Мне нужна к этим джинсам черная рубашка...

– Мама, помоги залезть в ванну! – крикнул Женечка. – У меня нога сегодня болела, боюсь еще поранить!

Нина с Венечкиной помощью погрузила Женечку в воду.

– Заноси левую половину тела, теперь правую! – хриплым майорским басом командовал Венечка.

Изображая взглядом нечеловеческое страдание, Женечка вытягивал из воды ногу, на которой с трудом можно было разглядеть крошечную ссадину.

– Меня сегодня в школе тошнило... – доложил Женечка, томно вручив маме свою ножку. Он тянулся к Нине, как цветок на вялом стебельке. – Если точнее, то от десяти до половины одиннадцатого...

Нина привычно прикоснулась к его лбу губами. Аркадия Васильевна, всю жизнь проработавшая участковым врачом, воспитала Женечку настоящим докторским внуком. Женечка относился к своему организму с недоверием и опаской, как к постороннему зловредному механизму, от которого в любой момент можно ждать подвоха. Он задабривал организм особенно Нининым вниманием, трепетал перед ним и подхалимничал. То измерял организму температуру, то профилактически объявлял себя больным, на всякий случай заискивая перед организмом, как бы не заболеть. Каждый вечер Нина ощупывала и оглаживала совершенно здорового Женечку и засовывала ему градусник под мышку так же машинально, как готовила еду, стирала и убирала. Слава богу, что младший, Венечка, ненавидел лечиться!

Нина вынула Женечку из ванны, розового и блестящего, как новенькая перламутровая пуговица.

– Померяешь вечером температуру без меня? – осторожно попросила она, вода утюгом по черной вельветовой рубашке. – А я позвоню и узнаю у бабушки, какая температура. Будет даже интересно.

По тихому выражению кроткой обиды на лице сынишки Нина поняла: придется самой проделать необходимые процедуры. К тому же надо было зализать раны, попросить прощения за то, что вечером уходит. Такой уж у нее с Женечкой ритуал.

* * *

В прихожей Антон придирчиво оглядел Нину.

– Ты что, собираешься идти в этой юбке? У тебя же подкладка оторвалась! И почему ты лезешь в коричневые туфли, а берешь при этом черно-белую сумку?! – Сумочка от Армани, дно и ручки из белой кожи, остальное из черной. Последняя коллекция. Антон всегда дарил Нине на день рождения изящные вещи, его они радовали. Он оглянулся и прошептал: – Скоро станешь такой же распустехой, как твоя мама!

Нина засмеялась:

– Что бы я без тебя делала, Антоша! А я так весь день сегодня и ходила. Да к тому же еще и с рыжим портфелем! Так торопилась с утра, до сих пор и не заметила, что на мне надето!

– Быстро переоденься! – скомандовал Антон. – Черные брюки, замшевую голубую рубашку, черные туфли! Сумку можешь оставить эту.

Антон дружески пихнул Венечку в плечо, погладил томного Женечку по голове, сгреб с тумбочки ключи от машины, зажигалку и телефон, все в одинаковых черных кожаных футлярчиках «Hugo Boss».

– Мама! – прощально взвыл Женечка. – Мне же еще надо сочинение! Про свою квартиру! Я один, что ли, должен его писать... – Он страдальчески глядел вслед Нине. По его сморщенному личику словно бродила какая-то мысль. Выражение мордашки словно на секунду приостановилось на полпути от страдальца и ангела к тому неизвестному Нине мальчишке, что «бросался в девочек тапками, дрался портфелем, с разбега налетел на директора школы...».

– Завтра напишем, хорошо, Женечка? Ах ты, черт! – Она обернулась к мужу: – Постельное белье поменять забыла! Три дня спим на одном и том же! Вернемся? Я быстро!

Антон, нахмурившись, покачал головой.

– Прощайте! Дай вам Бог! – Даже провожая дочь и зятя утром на работу, Аркадия Васильевна всегда изобретала что-нибудь очень пафосное, будто прощалась навсегда.

Они ушли. Суетливое Нинино хозяйство немедленно зажило своей жизнью. Аркадия Васильевна с внуками наперегонки бросились к телевизору смотреть запрещенных детям

«Ментов», Пуська вгрызлась в «Преображенскую» колбасу, которую давно уже незаметно затолкала лапой в угол, а пучок лука так и остался сиротливо лежать на полу в прихожей.

Глава 3 В ГОСТЯХ У БОБЫ

Наташа ждала гостей с тщательно приготовленным к радости лицом. Услышав шум подъезжающей к дому машины, она вышла на крыльцо, вяло изображая счастливую хозяйку загородного поместья, – в одной руке корзинка с поздними зимними яблоками, кисть другой повисла в нерешительном жесте – не то приветственном, не то прощальном. Потерянный взгляд печальных глаз, одним решительным мазком покрашенных нарочитой щенячьей приветливостью, словно Наташа вот-вот завизжит с придыханием, как в раннем детстве: «Здравствуйте, тетя Зина, здравствуйте, дядя Володя!»

Наташа давно уже не называла Бобиных родителей дядя Володя и тетя Зина. Сейчас она очень старалась перед Владимиром Борисовичем и Зинаидой Яковлевной не допустить в глаза обиду и растерянность. Скрыть от родителей, от Гарика с Ритой. Никто не должен догадаться, что у Наташи в жизни неладно! Чужое счастливое лицо Наташа облегченно заменила своим собственным, жалким, немного злым.

– Ой, это вы! Антон, Нина!

Наташа аккуратно примостила корзинку на крыльце и спустилась навстречу Антоновой гордости – почти новому в череде его машин-старикашек пятилетнему джипу «опель-фронтера». Первый в жизни джип! Мечта, воплощение мужского достоинства и состоявшегося самого себя! И джип, и Антон одинаково сияли радостной нарядностью и чистотой.

Боба никогда не возражал против Наташиной дружбы с Ниной. Каждый вечер ровно в половине двенадцатого Наташа устраивалась в кресле и набирала Нинин номер. К этому времени Нина заканчивала текущие дела по детям, маме и хозяйству и приступала к хозяйству завтрашнему – приготовлению обеда. Резала овощи, переворачивала котлеты, помешивала суп, мыла посуду, а зажатая между плечом и ухом телефонная трубка самостоятельно, будто на липучке, держалась на Нинином теле. Иногда Нина случайно нажимала подбородком на рычаг, и тогда Наташа презванивала.

Наташа сбежала с крыльца, нетерпеливо, почти хищно вытащила Нину из машины, прижалась. За ней мячом скатилась Соня, повисла на Нине с другой стороны.

– Как хорошо, что это вы! – Будто позавчера Наташа не заезжала к Нине в издательство, будто и не пили они кофе в соседнем кафе и сегодня днем не говорили по телефону. – Антоша, дай девочкам посекретничать, пока никто не приехал, – попросила Наташа. – Соня, а ты иди к себе, у тебя сочинение не дописано.

В доме было две гостиных – парадная, где уже накрыли стол, и маленькая, уютная, в ней помещались только два кресла и диван, толстые и цветастые, как взбесившаяся весенняя поляна. Наташе было там уютно, несмотря на украшающую стены коллекцию тонконогих большеусых жуков в специальных застекленных коробках-гробиках. Наташа на гробики старалась не смотреть. Будь Боба дома, он прогнал бы их в маленькую гостиную. Ему хотелось, чтобы все происходило согласно этикету – большие гости в большой гостиной, маленькие – в маленькой. Ну а в его отсутствие Нина с Наташей по извечной привычке двинули на кухню.

– У тебя здесь как в космическом корабле! – Нина взглянула на свои часы.

В небольшой кухне со светлой дубовой мебелью со всех сторон разноцветным миганием пульсировали таймеры. Подрагивала зелеными цифрами «21.30» плита, ярко-синий сигнал «17.45» посылала микроволновая печь, красными точками вспыхивал музыкальный центр. Бобе нравилось покупать технику. Правда, он загорался интересом, как таймер, на время. Уважительно рассматривал новый предмет и забывал о нем навсегда. Наташа пользовалась только тем, что не было таким навязчивым, чайником например. Все остальное мигало впустую, бесполезно.

– Представляешь, какой сон мне приснился, – принялась откровенничать Нина.

Наташа сладострастно приготовилась слушать. Нина как-то особенно затейливо толковала сны. Жаль, что сама Наташа снов не видела, а если ей и снилось что-то, первая мысль при пробуждении была – как бы не дать сну растаять, чтобы успеть пересказать его Нине. Но как только сознание полностью возвращалось, сон улетучивался.

– Так вот, снится мне, что я рожаю. И лежу в роддоме на одной кровати с какой-то молодой девочкой.

– Тебе кровати, что ли, не хватило? Бедная ты моя!

– Девочка сталкивает меня с кровати на пол. Я лежу на полу, и тут приходит врач. И не удивляется, как будто у них так принято – на полу рожать. Врач говорит мне так небрежно: «У вас проблемы. Лейкоцитов много». Я рассердилась, спрашиваю: «Почему?» А он отвечает: «Старость не радость!»

– И какой же смысл в таком сне? – хихикнула Наташа.

– Это знаковый сон! Молодая девочка спихнула меня с кровати, значит, мне уже нельзя рожать. Нет места, понимаешь? Я уже не по праву там была, в роддоме... Старые мы для этого! – Гордая таким ловким толкованием сна, Нина довольно улыбнулась.

Наташа, горестно вздохнув, оглянулась на дверь и понизила голос:

– Знаешь, я только тебе могу сказать... я постоянно об этом думаю... ну, о том, что я старею, вот видишь, здесь! – Наташа показала на дрожашую сеточку тонких подглазных морщинок. – И здесь, и вот еще одна! – Она с привычной точностью тыкала пальцем в еле заметные тонкие линии на лбу и возле губ. – Я хочу сделать операцию! Это самое кардинальное – подтяжка. Раз – и все!

Наташа скупала все глянецовые журналы. Пролистывала небрежно, над рекламными объявлениями замирала, впивалась глазами в развязные обращения: «Вы не любите целлюлит? Только у нас ошеломляющий эффект»... «Мы сделаем ваше тело, лицо и душу моложе и счастливей!» Наташа не любила целлюлит и хотела сделаться моложе и счастливей. «Пластика век традиционно и без разреза». Наташа хотела традиционно и без разреза тоже хотела.

Как Алиса в Стране чудес, бросившаяся за кроликом вместо того, чтобы зевать под деревом, Наташа с робким восхищением вглядывалась в загадочные влекущие слова «мезотерапия», «фотосклерозирование», «миостимуляция», «липосакция», «перманентный макияж»... Заснуть пожилой лягушкой – проснуться юной царевной. Ее манило все, что обещало мгновенные кардинальные изменения... «Уменьшение объема щек». Может быть, ей надо? «Лазерная коррекция лопухости с пожизненной гарантией». Наташа проверила свои уши – нет, это, пожалуй, ни к чему.

Журналы предлагали Наташе лечение аноргазмии и фригидности. Аноргазмия – это когда не бывает оргазма, догадалась Наташа. Нам не до собственных оргазмов, сначала исправим лопухость и сократим щеки.

Не выпуская журнала из рук, Наташа приступала к детальному рассматриванию себя. Лицо в зеркале выглядело хищным, лисьим. Морщинки на лбу, морщинки под глазами... Наташа еще не привыкла подкрашивать волосы и, вырывая седые, противно торчащие нити, каждый раз обрушивалась в недоуменное злое отчаяние. И морщины, и седина, и Бобино равнодушие напали внезапно, и в один непрекрасный день она увидела в зеркало не самую красивую девочку Наташу Васильеву, а почти сорокалетнюю Наташу, которая к тому же старше своего мужа на год и два месяца.

Год! И два месяца! Женщина, как говорится, в возрасте! Выражение-то какое противное! Специально, чтобы Наташу обидеть. Журналы со спасительными адресами клиник лежали стопкой у кровати. Если все станет совсем худо, ей пригодится «ведунья в третьем поколении»? Или «деревенский наследственный приворот навсегда»...

Нина незатейливо покрутила пальцем у виска.

– Тебе же всего тридцать семь! По нынешним временам еще молодость! Ты не всерьез это говоришь, я не верю! И потом, страдания стареющей женщины столько раз описаны в литературе...

– Первый поцелуй тоже много раз описан в литературе, а когда ты сама первый раз поцеловалась, ты что же, решила – а-а, баракло, ерунда? – возразила Наташа.

В ней жило теперь постоянное смутное беспокойство. Очень хотелось беспокойство изгнать, объявить недействительным, но... вдруг стало расплываться лицо. Немного отвисли щеки, ослабел подбородок, овал лица был уже не четким, как прежде, а каким-то волнистым. Она старалась делать специальные упражнения для укрепления лицевых мышц, надувала щеки и выдвигала вперед челюсть. Сначала упражнялась, пока готовила еду или смотрела телевизор, и постепенно приобрела привычку использовать для этого любую свободную минуту. Однажды в машине, пережидая пробку, задумалась и вдруг поймала на себе странный взгляд соседнего водителя, удивленного тем, что женщина в дорогой машине грозно двигает челюстью и изо всех сил надувает щеки. Ей даже стало казаться, что она по-другому пахнет. Не цветком, как раньше, а женщиной.

– Я была у гинеколога. Мне сказали, что у меня несколько небольших миом.

– Что это? – испуганно вскинулась Нина.

– Это возрастное, все нормально.

Наташа представила, как будет портиться изнутри, словно зарастать бородавками... Она зарастет бородавками, а Боба женится. На молодой, длинноногой, с маленькими изящными ступнями... Наташа жалобно скривилась.

Нина всегда резво бросалась утешать чужое страдание, как кидается в драку еще ни разу не подранный собаками эрдельтерьер, и сейчас, хотя Наташины горести показались ей игрушечными, она немедленно ринулась жалеть:

– У тебя совсем нет морщин! Я, например, растолстела, как свин, и ничего. Ты такая красивая, тебе ни за что не дашь тридцати семи! И тридцати тоже не дашь, честное слово... – увлеченно нашептывала она и вдруг заметила, что Наташа плачет под ее ласковое бормотание. – Ты мне не ври, Наташка! Морщины, подтяжки! Что у тебя с Бобой?!

Наташа ослабевшим от ее любовного тепла голосом пробормотала:

– Один из Бобиных партнеров по бизнесу ушел от жены. Ушел, ты даже представить себе не можешь, к кому – к дочке своего друга. Ей девятнадцать, и она уже беременна... А ты говоришь, я красивая...

– Господи, а ты при чем?

– При том! Он со мной почти не спит... Ему стало меньше надо...

Чистейшее вранье. Сегодня она убедилась, что Бобе не надо от нее ничего. Но признаться в этом стыдно даже Нине. Он совершенно равнодушен к жене, а раньше после любовных утех хоть минутку бывал с ней нежен. Значит, все делал из вежливости. Она ему не нужна...

Месяц назад Наташа, смущаясь и делая вид, что покупает не для себя, а в подарок, приобрела на лотке нарядный толстый том с полураздетыми любовниками на обложке. Тщательно изучив красочные картинки и описания, Наташа поняла: то, что она считала любовью, на самом деле туповатые скучные «супружеские отношения». В книге это называлось «рутинный секс». Одна и та же поза, одна и та же Наташа... Весь месяц готовилась. Вчера попыталась стараться, но ничего не вышло. Нина бы ее пожалела, но разве такое расскажешь...

Нина поглаживала, уговаривала и утешала подругу, как успокаивала Женечку, маму и Антона. Обычно резковатая, порывистая и не слишком уютная, при виде чужого страдания она преображалась. Умела утешить так, что казалось, в прохладный летний день чуть-чуть покачиваешься в гамаке под невесомым пуховым одеялом.

Насытившись Нининой нежностью, Наташа последний раз хлюпнула носом:

– Нинка, я свинья, все о себе... Расскажи, что вы решили с отпуском. В Турцию или в Грецию?

– Ой, ты же не знаешь! – оживилась Нина. – Никуда мы не едем, ни в Турцию, ни в Грецию. Женечке предложили на месяц поехать в Англию со школой. Англия, кстати, дороже, чем наша Турция! Намного. На пятьсот долларов.

– Намного... – озабоченно повторила Наташа.

Нина вздохнула. Наташа, тратившая пятьсот долларов невзначай, искренне сочувствовала подруге. Если бы Нина сказала, что ей не хватает пятьсот тысяч долларов или пятьсот копеек, сочувствие Наташино было бы таким же горячим и абстрактным. Иногда это раздражало. Что она, в самом деле, как дитя малое, давно ли сама... Но Нина почти всегда была легка и независтлива, Наташа чаще бывала молчалива о своих делах, чем нетактична, и они умудрялись существовать параллельно, почти никогда не обижая друг друга космическим различием доходов.

Нина внезапно рассмеялась:

– Не расстраивайся, Наташка. Мы стареем, но и мужики наши тоже. У одной моей подруги муж только займется с ней любовью и сразу кряхтит: «Подожди, спину схватило!» Только опять начнут, а он: «Погоди, теперь ногу свело».

– И что она? – заинтересовалась Наташа.

– Ждет, а что делать? – Нина засмеялась. – Так что наши еще хоть куда... А если серьезно, мне иногда бывает Антона жалко... Как подумаю, что молодость прошла, а у него никого, кроме меня, и не было никогда... Бедный!

– Ты так уверена, что он тебе не изменяет? – строго спросила Алла Евгеньевна.

– Мама, что ты всегда крадешься, – недовольно оглянулась на мать Наташа.

– Он мне никогда не изменял! – убежденно ответила Нина. – Алла Евгеньевна, здравствуйте! Вы замечательно выглядите.

У Аллы Евгеньевны было слишком маленькое для сухой высокой фигуры вертлявое личико с тонким, скривленным в постоянной гримасе ртом. Алла Евгеньевна скользила по дому зятя, как Нинина кошка, – была одновременно всюду. «У ней не лицо, а фига», – плевалась домработница, когда Алла Евгеньевна отворачивалась. И высовывала ей вслед язык.

– Смотри, Нина, что я на распродаже в «Высокой моде» купила! – Алла Евгеньевна повертелась, показывая белый джинсовый костюм, украшенный тонкой кружевной прошивкой с блестящими разноцветными бусинками.

«Совсем ошалела», – показала Наташа глазами.

Боба с Наташей не так давно переехали в этот дом из крошечной двухкомнатной квартиры и деньги стали тратить без оглядки только в последние годы. В новую богатую жизнь Наташа вошла как-то задумчиво. Застенчиво даже. Алла Евгеньевна же в богатство зятя бросилась с разбегу, страстно. И наслаждалась новыми возможностями гораздо больше, чем дочь. По магазинам шныряла и так гордилась своим умением добывать вещи со скидкой, словно была для зятя ценным работником, в поте лица своего приносящим значительный доход.

– Смотри, Боба, это пальто стоило семьсот долларов, а я его купила за триста! – хвасталась она.

– Тогда давайте сдачу, Алла Евгеньевна, с вас четыреста долларов! – отвечал Боба.

Теща пугалась, затем улыбалась сдержанно.

Наташа от неловкости, что ей прислуживают, в присутствии домработницы до сих пор металась по комнатам с тряпкой – так ей казалось приличнее. Алла Евгеньевна с наслаждением вступала в хозяйские отношения с прислугой. Выгнала всех городских, временно успокоившись на безропотной местной тетке.

Алла Евгеньевна выглянула в окно:

– Приехали Зина с Володей, и Гарик с Ритой с ними. Иди встречай, Наташа.

– Бегу. – Наташа не двинулась с места. – Сначала Гарик скажет, что у нас неприличный дом, потом с недовольной рожей потребует еды, до того как все за стол сядут, будто потерпеть не может... Господи, за что мне это!

Алла Евгеньевна нахмурилась:

– А если бы Бобочка услышал? Приехали родители и родной брат твоего мужа, и ты должна! Пойду сама встречу. Зина, Володя, Гаричек!.. Я иду!

Наташа прошипела вслед матери:

– Как тебе «Бобочка»? всю жизнь меня шпыняла, что я неправильно замуж вышла, и от Гарика ее трясло, и на тебе – «Бобочка», «Гаричек»...

– Ну, хорошо ей живется с Бобиным богатством, так радуйся, – миролюбиво произнесла Нина.

– Что бы я без тебя делала!

Наташа вышла из кухни в длинный коридор. В безопасном конце коридора столкнулась с Антоном и, оглянувшись, привычно-быстро прижалась к нему всем телом. Вдохнула его запах, поцеловала, мгновенно провела его рукой по своему телу и выбежала встречать гостей.

Ее связь с Антоном длилась давно. Когда-то, в самом начале, она была в него влюблена, а теперь их отношения стали такими уютными и домашними, что ей иногда казалось странным, как это Боба и Нина ничего не знают. Наташа никогда не считала эту связь изменой Бобе. Мужа было так много в ее жизни, что встречи с Антоном – все равно что форточку открыть. А надо же человеку хоть иногда дышать свежим воздухом! Она удивилась бы и даже обиделась, если бы ее обвинили в предательстве Нины. Нищие не выбирают. И у нее никого не было, кроме Нины с Антоном. К тому же из них двоих Нину она любила больше.

Нина смотрела в окно. Старшие Любинские вышли из «Волги» и направились к дому, а Гарик с Ритой, приехавшие вслед за ними на новенькой «девятке», долго пытались примостить машину в самом удобном месте. Рита притоптывала возбужденно, размашисто жестикулировала:

– Руль влево, теперь вправо... да нет же, Гаричек, вправо!

Гарик небрежно-величаво крутил головой по сторонам, резко газовал-тормозил, в результате бестолково ерзая на месте. Наконец Рита не выдержала, громко закричала:

– Налево рули! Теперь направо. Сдай немного назад, еще направо. – И так они дружно вдвоем гордились, пока Гарик наконец не нашел достойное себя место, напрочь перегордив Бобе въезд в гараж.

Нина не виделась со старшими Любинскими около полугода и теперь на мгновение удивилась, что они уже вовсе не те, что продолжали жить в ее воображении. Те, сорокалетние, были «родители», конечно, но – мужчина и женщина. А эти, нынешние, – старички.

Огромный Владимир Борисович с годами поплыл, обмяк, словно на его широкие плечи свалился сугроб, Зинаида Яковлевна сохранила чудную теплую смуглоту кожи, но все больше становилась похожей на увядшую грушу, пышную внизу и сморщенную наверху.

– Т-тут у вас безопасно машину оста-авлять? – На кухню заглянул Гарик. Щуплый и узкоплечий, он так значительно вдвигал себя в пространство, что немедленно становился главным. – Я т-только что к-купил, на п-последний гонорар.

– Ты что, Гарик, здесь же Бобины дорожные машины стоят, – удивилась Нина, – а ты за «девятку» беспокоишься...

– Нина, дай чего-нибудь п-поешь!

– Бутерброд сделаю. Буженина есть, шейка, карбонат? – с готовностью перечислила Нина. – Ты же любишь мясо. Или тебе сейчас нельзя свинину? – простодушно поинтересовалась она.

Гарик презрительно фыркнул.

В детстве Нина как следует не знала, что такое еврей, слышала, как Владимира Борисовича с Зинаидой Яковлевной называли «один целый еврей», но еврейских черт ни у того ни у другой не различала и вообще считала «одного целого еврея» одной из многих прекрасных непонятностей их жизни. Теперь, когда она знала, что Владимир Борисович наполовину еврей, а Зинаида Яковлевна наполовину еврейка, ей казалось, что к старости еврейские половины во внешности обоих обозначились ярче и даже расшались.

Смутное половинное еврейство родителей давало сыновьям, Бобе и Гарику, большое пространство для маневра. Гарик вместе с русской Ритой, до замужества далекой от любой религии, поначалу выбрал быть евреем. Они с Ритой соблюдали кошер, не брились, не мылись и ходили в тряпочных тапочках на Ям Кипур. Даже подумывали о том, чтобы Рите принять гиюр, стать настоящей женой иудея по иудейскому закону. Рита начала было изучать Тору, но Гарик вскоре перешел в православие, и они принялись так же истово поститься в Великий пост, ходили на исповедь к специальному, интеллигентскому батюшке. Затем Гарик с Ритой некоторое время снова не были евреями, изредка правоверными, чаще умеренными и недавно, кажется, окончательно вернулись к христианству. Рита была так Гарику предана, что, следуя его духовным исканиям, честно становилась еще более правоверной, чем сам Гарик.

Боба Любинский по религиозным конфессиям не метался и ко всем религиям проявлял вежливое равнодушие, обозначив свою позицию просто: «Я в эти игры не играю». Гарик и Рита дополнительно презирали брата еще и за жлобское отсутствие духовных исканий.

Беспокойно покружив по кухне, Гарик угнездился в Бобином, самом большом и удобном кресле. Он всегда старался отщипнуть себе кусочек самого лучшего: самое удобное место, самое красивое яблоко, самую полную чашку. А прежде чем на это свое вожденное «лучшее» наброситься, напрягался, как хищная птица перед решительным скачком. Гариковы победы были такими крошечными, что окружающие часто их и не замечали. Но для него вырванные у жизни крошки были брызгами самого прекрасного. От своих скопидомских выигрышей он приходил в мгновенно приподнятое настроение, а от неудавшихся попыток сникал и злился.

Несколько лет назад, когда дети, Женечка и Соня, были еще маленькими, братья Любинские и Нина с Антоном вместе ездили в Крым. В каждодневной близости эти его постоянные ухищрения – выбрать себе солнце посолнечнее, тень потенее, стакан вина поплотнее, последним достать мелочь при покупке мороженого – были замечены почти сразу.

Каждый про себя удивлялся несоответствию страстности борьбы и жалкости добычи, но Гарик так радовался всем этим незначашим мелочам, что остальные словно обиженно подумали: «А мы-то что, дураки, что ли?» Гариковы выигрыши стали вдруг казаться вожденными, и в компании что-то неуловимо нарушилось. Будто Гарик выпустил наружу злых бесенят.

Первыми, как самые чувствительные и не умеющие сдерживать воспитанностью стыдное дурное, пострадали дети. Всегда мирные Соня с Женечкой иступленно делили совочки и ведерки, злобно кричали друг на друга из-за места на подстилках, торговались из-за конфет, фантиков, камушков, и, казалось, вот-вот начнут делить солнце. За детьми принялись предъявлять друг другу претензии взрослые, сначала вяло, потом энергично. С тех пор вместе надолго не ездили, только на несколько дней. Но Гарика и в эти небольшие поездки не брали. Придумывали предлоги или как-то незаметно собирались без него – не стоваривались специально, просто долго не могли решить, куда поедут, а потом вдруг молниеносно собирались, а ему не могли дозвониться. Ну а в последние пару лет уже вообще вместе не отдыхали.

– Смотрю я на ваш д-дом, – невнятно пробурчал Гарик, прожевывая буженину, – неужели нельзя б-было пригласить т-толкового дизайнера... п-постро-или псевдогоготическую избу. Это же неприлично – жить в т-таким д-доме!

– Вкусы у всех разные. Выпьешь чего-нибудь? – Нина заторопилась. – Я твою новую книгу дала почитать знакомому редактору из «Азбуки», ничего, ты не сердись?

– Н-нельзя, нечего ему д-делывать в моем т-тек-сте. Они там в «Азбуке» издают всякое д-дерьмо... и что он ска-азал?

– Сказал – здорово. Новое слово в современной литературе, – соврала Нина.

Редактор вернул ей книгу без единого слова, зато кривляясь и гримасничая не только лицом, но и всем телом. Лицо Гарика вдруг стало нарочито безразличным, как бывает у мальчишек, старательно не подающих виду, что им нравится девочка.

– Ах вот как! А он з-знает, что у меня вышло т-три книги? – совсем мальчишечьим тонким голосом пропел он.

Когда речь заходила о собственных книгах, кадык на его тонкой шее подергивался мелкими рывками, а в лице резко прибывало заносчивости от недоступного другим тайного знания.

– Естественно, кто же этого не знает! Они еще будут гордиться, что были с тобой знакомы, – хмыкнула Рита, заглядывая на кухню с лицом, приобщенным к Гарикю и его тайному знанию.

Простенькая круглолицая Рита в точности повторяла все Гариковы гримасы, как щенок, копирующий большую собаку, – выходило все точно так, только смешно. От любви к Гарикю она как-то странно двигалась, по-петушину высоко закидывая ноги и выкатив вперед грудь, будто всегда была готова подраться или по меньшей мере толкнуть и объявить дворовым голо-сом: «А ты кто такой?»

– Привет, Нина, дай что-нибудь поесть.

Нина протянула Рите аккуратный бутерброд.

Гарик грыз буженину, выкусывая жир. «Фу, ест как», – подумала Нина. Рита влюбленно смотрела на мужа, готовая законспектировать каждое движение мысли.

– Ну, Наташа, что вы с Бобой читали последнее время, что смотрели? – поинтересовалась Рита тоном человека, не рассчитывающего получить ответ. – А угощать чем сегодня будешь? Если не о чем поговорить, то хотя бы поесть! – Всем своим видом она выражала презрение думающего человека к окружающему ее тупому благополучию.

– Ну что, за стол б-будем садиться? – закапризничал Гарик.

– У меня все готово, ждем Бобу, – ответила Наташа.

– Ну понятно, вершим бизнес, – насмешливо отозвалась Рита и нарочито зевнула.

Свекровь просительно взглянула на Наташу:

– Гарик нервничает. Давайте сядем за стол, а Боба подъедет!

Боба приехал, когда они уже расположились в гостиной. Входя в гостиную, Гарик, как всегда, насмешливо протянул:

– Богато!

Рита послушно фыркнула.

Никто еще не видел новую мебель, стол и стулья в стиле ампир красного дерева. Боба выбрал, заплатил и, отойдя от кассы, вздохнул: «Выбросил пятнадцать тысяч».

– Похожие кресла стояли в гостиной у Деда, – сообщил Владимир Борисович, – помнишь, Зина?

– Помнишь, Аллочка? – отозвалась Зинаида Михайловна.

Аллочка вздохнула. Дедов гарнитур, конец девятнадцатого века, ампир, Аллочка продала в начале девяностых. Глупо продала – продешевила.

– Наташа, а почему вам так нравится бордовый цвет? – поинтересовалась Рита, окинув взглядом шторы в цвет ковра и обивки стульев. – Мне тут страшновато, в бордовом. Как в гостиной людоеда.

Гостиная выглядела очень мужской. Коллекция трубок, несколько антикварных ваз, рядом грубые рыночные поделки туристического сорта с Гавайских островов, а также якорь, который сам хозяин поднял со дна Ладоги. Не удержался Боба и от странной детали – под лестницей, ведущей на второй этаж, примостились несколько мраморных бюстов. Чьи бюсты – неизвестно. Какие-то женские головки. Технические мелочи-изыски – Боба ими гордился. Например, выключателями, управляемыми голосом. Язык общения с выключателями Боба выбирал сам, в качестве команд использовал пароли. Произнесет одно-два слова – свет выключается. Как-то поменял пароли и забыл Наташе сказать. Они с Соней в темноте просидели до его приезда. «Не специально, я же не специально», – сказал он. Хозяин этой гостиной увлекался всем – жизнью. Хотел – с выключателями беседовал, хотел – на бюст любовался. А от Наташи в гостиной ничего – ни картинка, ни салфеточки, как будто Боба не разрешал ей иметь свой вкус.

– Всем привет, – бросил Боба и сел на свое место.

Нина непрерывно прислушивалась и смотрела на часы. Ей хотелось обставить свой сюрприз поэффектней. Как только Маша позвонит в звонок на воротах, Нина объявит: «Вы не представляете, кто к нам приехал!»

– Что ты все время ерзаешь и озираешься, как беспокойная коза? – недовольно спросил ее Антон, и Нина послушно включилась в застолье.

Звонок раздался, когда все уже выпили и напряжение немного спало, а Нина на минутку отвлеклась от беспокойного ожидания.

– Я никого не жду, – недовольно сказал Боба.

– У меня для вас сюрприз. Нет, ты не думай, что я сама кого-то к тебе... к вам позвала. – Она покосилась на удивленного Бобу и встала. – Есть только один человек, которого я решилась пригласить без разрешения хозяина... хозяев. Вы даже не представляете, кто приехал – Маша! – Нина торжествующе огляделась по сторонам и повторила: – Маша Раевская.

Гарик оглянулся на Риту:

– У т-тебя с собой есть м-мои книги?

– Конечно, все три. А кто эта Маша?

Все молчали.

– Немая сцена. К нам едет ревизор, – хмыкнула начитанная Рита.

– Побегу встречу, – грузно поднялся Владимир Борисович.

– Тут и без тебя есть кому бежать, – отозвалась Зинаида Яковлевна.

Как по команде поднялись все и, возглавляемые Ниной, гуськом двинулись в прихожую. Боба быстро налил себе виски, выпил и направился вслед за остальными.

Маша улыбалась и возбужденно подпрыгивала на месте, как кукольный Петрушка. Все радостно суетились лицами ей в ответ, Нина со скромной гордостью поглядывала на Бобу, затерявшегося за спинами родителей, которые вновь почему-то на минуту стали «взрослыми» рядом с ними, «детьми».

Первым к Маше, главным, стоял Гарик. Маша хотела его поцеловать, качнулась навстречу и как-то незаметно споткнулась о Риту.

– Рита – жена Гарика, – представила Зинаида Яковлевна.

– Тетя Зина. – Маша приникла к неподвижной Зинаиде Яковлевне.

Алла Евгеньевна выступила навстречу.

– Добро пожаловать, дорогая, – светски-небрежно начала она. – Как добралась? Что за странная идея ехать самой? Боба мог прислать за тобой водителя, – с явным удовольствием выговорила она. – К столу, к столу. Посмотришь, как мы живем. – Алла Евгеньевна скромно повела рукой вокруг.

Еще несколько секунд восторженно-стеснительной суеты в прихожей, Машиных радостных повизгиваний «дядя Володя, Боба, Гарик!», и все уже вновь за столом. Отодвинув чью-то тарелку, Маша выбрала себе место рядом с Бобой, уцепилась под столом за Бобин палец, наклонилась и прошептала ему в шею:

– Может, я зря приехала? Я думала, все будут рады, а они... думаешь, рады? Точно? А то я боюсь сказать что-нибудь не то. Чувствую себя как собака, которая на роликах с мороженым в лапе подкатывает к ресторану, а на двери табличка – собакам нельзя, на роликах нельзя, с мороженым нельзя!

Боба не отстранился от нее, улыбнулся:

– Знаешь, как бывает, когда встречаешь друга из первого класса? Сначала и правда безумно рад. Минут пять с выпученными глазами хлопаешь его по плечу, повторяя: «Ну как ты, старичок?» Потом надо бы поговорить, но о чем? Опять хлопаешь его по плечу с выпученными глазами, уже изображая радость, и мечтаешь уйти...

– Ух ты, Боба!.. – растерялась Маша.

Владимир Борисович в одной руке держал рюмку, а другой гладил сидящую рядом Машу по плечу.

– Я очень счастлив увидеться с нашей Принцессой... Девочка моя, я уж и не думал тебя увидеть. Ну вот, чуть не прослезился, как старикашка...

– Дядя Володя! Я хотела сюрприз! Я доехала на такси за двадцать долларов... – торопливо вступила Маша, явно желая снизить пафос ситуации.

Наташа наклонилась к Нине и шепнула страшным шепотом:

– Маша намного моложе меня выглядит? На сколько?

Владимир Борисович растроганно улыбался.

– Мы жили как чайный гриб. Помните, что такое чайный гриб? Это сообщество микроорганизмов, которое может существовать лишь в симбиозе, вместе. Мы все жили вокруг Деда, одной семьей с Юрой, Аней и Принцессой. Юра, Юрий Сергеевич, – это сын Деда, – добавил он для Риты, – Аня – его жена, а Машка – их дочь. – Он задумался и удивленно пробормотал: – Как странно, у всех вас, наших детей, было столько встреч, столько возможностей, а вы нашли себе жен и мужей в своем кругу... Как царский дом, который замкнулся внутри себя. Прежде чем пить за встречу, давайте вспомним Деда и Берту Семеновну, которые всех нас соединили!

– Да, мы как царская семья, – задумчиво произнесла Наташа. – Только свои, только между собой...

Рита наклонилась к ней:

– Господи, да кто она такая, эта ваша Принцесса? И при чем тут какой-то Дед? Если бы это было так важно, мне бы Гарик рассказал. А он ничего мне не говорил. Никогда!

Часть вторая

Глава 1

ДЕДУШКИНА ВНУЧКА

Разметая лужи, Маша неслась с киностудии «Ленфильм» домой, на Зверинскую, и в ритм своим скачкам приговаривала про себя: «Только бы... прыг... дома были гости... прыг; только бы были дядя Володя... прыг... и Боба... Господи, ну пожалуйста, сделай так, чтобы хотя бы вечером все пришли к нам!»

Во дворе она перевела дух и по привычке загадала: «Если лифт сломан, то у нас гости». Пытаясь перехитрить судьбу, Маша сделала вид, будто не заметила медленно уползающего вверх лифта, и помчалась по лестнице.

– Меня утвердили! На роль! Главную! – крикнула она в тишину квартиры.

– Маруська-дуська, поздравляю! – Юрий Сергеевич растроганно улыбнулся. – Зайди к Бабушке и Деду...

– А Дядя Федор придет сегодня? А где мама? Пусть сегодня все-все-все придут в гости! Вечером! Ты только представь, я – актриса! – Во взгляде, который Маша привычно метнула в висящее в прихожей зеркало, отразилось внезапное изумление. Словно девочка с вырезанными сердечком пухлыми губами и царапиной на щеке была не Маша, Дедушкина внучка, Папина дочка, десятиклассница английской школы на Петроградской, а незнакомое таинственное существо со множеством душ – Актриса. Маша никогда сама не располагала собственным лицом, привычно воспринимала его как поле боя ближайших родственников. Машина мать, Аня Раевская, стремясь максимально приблизить ее облик к своему идеалу красоты, всегда старалась как-нибудь украсить дочь, приладить к ней что-нибудь красивое – бант, заколку, кружевной воротничок, яркий шарфик. Анина свекровь Берта Семеновна, ратуя за лаконичность облика внучки, немедленно сдергивала с Маши «архитектурные излишества». Аня причесывала дочь попышнее, выправляла челочку, завивала ее гладкие волосы на бигуди, подкрашивала «мышинные волосенки» хной. А Берта Семеновна, грозно хмурясь, говорила: «Что это вы мне устроили деревенские завлекалочки!» И требовала убирать волосы в гладкий хвостик.

– Моя внучка не будет похожа на проститутку, – решительно заявляла Берта Семеновна.

– А моя дочь не будет похожа на серую мышь, – не сдавалась невестка.

– У тебя ограниченное понятие о красоте, – пенял Юрий Сергеевич жене. – Тебе хочется, чтобы Машка была пышная красавица, как ты. А у нее совсем другой тип, она – девушка с портретов Модильяни.

Муж научил Аню разбираться в живописи, и она могла ответить со знанием дела: «Для модели Модильяни Маша слишком пухлая» – и учила дочь подводить глаза и выделять карандашиком губы. Накрашенная дочка походила на нечто среднее между ангелом и обезьянкой. Губки сердечком и подчеркнутые, с поволокой, глаза на непрерывно играющей пухлощеккой физиономии.

– Жил на свете человек, кругленькие ножки, – дразнил дочь Юрий Сергеевич. – У тебя кругленькие глазки, кругленькие бровки и кругленький носик, – пересчитывал он.

Эта детская дразнилка лучше всего описывала Машино узкое, вытянутое, как ровный молодой огурчик, личико, и правда состоящее из одних трогательных округлостей. Круглый подбородок с ямочкой, не явной, той, что считается бесспорным признаком завистливости, а просто с уютной впадинкой. Крупный, чуть асимметричный рот, и улыбка всегда кривокопая. Темные округлые брови придавали ее лицу постоянно изумленное выражение, необыч-

ного разреза, словно подведенные, серо-зеленые глаза смотрели всегда чуть обиженно. Такой получался печальный Пьеро.

– Дуська, от тебя невозможно взгляд отвести, ты просто завораживаешь! – любовался Юрий Сергеевич.

К хрупкой фигурке Пьеро, с тоненькими, с детской еще кривизной ногами и оттопыренной попкой, будто по недоразумению прилагалась полная грудь. А истина, как всегда, находилась где-то посередине. Маша была все-таки не настолько томно изящной, чтобы, как хотелось Юрию Сергеевичу, решительно объявить ее девушкой Модильяни. Но и теряющейся в толпе одинаковых лиц простенькой смазливой мордашкой тоже не была. Маша и тоненькая, и одновременно пухлая, как помпончик, – можно залюбоваться, а можно с легкостью посчитать некрасивой. Но вот не обратить на нее внимания – невозможно.

Маша замороженно любовалась в зеркале новой, ценной для искусства собой, последовательно придавая лицу томное, задумчивое, счастливое, а затем горестное выражение невысказанной обиды, и вдруг мгновенно улыбнулась одним уголком губ.

– Какая же ты прелесть! Сейчас я тебя поцелую! – восторженно провозгласила она, чмокнула воздух и бросилась через площадку к Деду и Бабушке. – Очень интересная, чрезвычайно важная новость! – интригуяще проворковала она в прихожей.

Раевские занимали весь третий этаж. Единственная на площадке квартира образовалась из двух соседних. Та, что слева, побольше, принадлежала Деду и Бабушке, справа, поменьше, – Юрию Сергеевичу с женой. В каждой имелся телефон, кухня, туалет и ванная. В «подквартиры» можно было войти с площадки, как в отдельные, а можно было попасть изнутри, – семьи соединялись, вернее, разделялись длинным, метров двадцать, коридором. Коридор много лет был перегорожен огромным шкафом. Между шкафом и стеной оставили небольшой зазор – такой, чтобы мог протиснуться ребенок. Маша росла, и шкаф постепенно отодвигали, увеличивали проход.

Квартира младших Раевских была очень удобна для приема гостей: две небольшие комнаты, родительская и Машина, а к кухне кишкой вился коридорчик, полностью отделяя жилую часть от гостевой. За кухней каморочка Юрия Сергеевича. Кухня была странная – полукруглая комнатка, отделенная стенкой от крошечного прилавка с плитой и раковиной. Получалась вроде бы кухня, а если не обращать внимания на плиту и раковину, – вроде бы гостиная. В семи с половиной метрах этой как бы гостиной загадочным образом помещалось столько людей, сколько приходило – десять так десять, пятнадцать так пятнадцать, двадцать так двадцать, сколько нужно хозяевам, столько и помещалось. Этим вечером за столом сидели вчетвером – Юрий Сергеевич с женой, дочерью и единственным пока гостем.

– Сегодня у нашей Машки замечательный день! – глуховатым голосом начал Юрий Сергеевич, машинально поправляя проводок от слухового аппарата.

Невысокий, уютно крепкий, с темными волнистыми волосами и уже заметной сединой, он был из тех людей, рядом с которыми сразу чувствуешь себя спокойно и безопасно. Юрий Сергеевич считался привлекательным мужчиной, даже красивым. Но красота его была не тревожного свойства, а той, что приятно любоваться в семейном кругу. Как-то по нему было видно, что красота его давно и прочно кому-то принадлежит. Слуховыми аппаратами он пользовался с молодости, только конструкции аппаратов время от времени улучшались, но к его уху всегда тянулся проводок. В молодости он неудачно нырнул. Последствием стала глухота, но не полная. Он был, что называется, слабослышащий. Он очень внимательно вглядывался в собеседника, чутко ловил его реакцию, низким голосом размеренно произносил слова. У собеседника создавалось впечатление, будто к нему проявляют максимум внимания. Так что недостаток слуха, дополнительно подчеркнув природную медлительность, лишь усилил природное обаяние.

– Анечка, ты, наверное, тоже хочешь сниматься в кино? – поддразнил жену Юрий Сергеевич.

Аня в ответ передернула плечами и удивленно посмотрела на дочь. Шутка мужа имела настолько глубинный смысл, что была не совсем даже шуткой. Ане исполнилось сорок. Все сорок лет ее признавали красавицей, и она ни за что не собиралась переставать ею быть. Будучи хорошенькой, Аня жила с естественным ощущением, что все внимание мира принадлежит ей. Когда-то в молодости (сама Аня никогда не произносила этих глупых слов, отделяющих молодость от зрелости, предпочитала говорить «давно», «несколько лет назад», и Машу с детства приучила звать себя по имени, а не мамой) они с друзьями играли в литературную игру – кто лучше опишет Анину внешность. Собирались у них люди к художественному творчеству близкие, несколько даже литераторов-профессионалов. Остальные – так, для себя баловались, но все словом владели. Даже умеренно пошлое описание Аниной внешности оказалось полным провалом и для профессионалов, и для любителей – славословить ее стандартно-пышную красоту было невозможно. Ну что тут, в самом деле, напишешь, если глаза – большие, голубые, губы – полные, яркие, румянец – во все щеки, зубы – белые, ровные, волосы – пышные каштановые. Идем дальше – и что видим? Грудь высокая, талия тонкая, даже ноги – довольно длинные для женщины, родившейся в конце тридцатых... Одна беспомощная пошлость получалась. Красавица, одним словом, и все тут. Наконец кого-то осенило: «Аня – женщина „кадиллак“». Она входит в комнату, и всем хочется встать и сказать: у-у-у!» Все представили, как черный лакированный лимузин медленно вдвигает в комнату блестящие фары и серебряную решетку, быстро в уме сравнили лимузин с машиной марки «Москвич», согласно кивнули и загудели хором: «У-у-у!» «Кадиллаком» Аня себя называть не разрешила, но вот вставать и восторженно гудеть – прижилось.

– Так и живу двадцать лет. Аня войдет со сковородкой с подгоревшей яичницей, хочется сказать – ах, чтоб тебя, ты жена или кто, только рот открою, и вдруг, сам того не желая: «У-у-у!» Такая моя доля, – жаловался друзьям Юрий Сергеевич, притворно вздыхая.

Аня улыбнулась гостю. Высокий, обаятельной нескладностью и грустным подвижным лицом гость напоминал Пиноккио. А подчеркнутой нарядностью модной одежды – Пиноккио в свежкупленной курточке.

– Если бы Дядя Федор не догадался привести меня на пробы, ничего бы не было, – заметила Маша.

Костя по прозвищу Дядя Федор, самый близкий друг, почти член семьи, был художником на «Ленфильме». Не особенно известным, но достаточно востребованным. Прозвище свое получил за то, что частенько уезжал в городок с нежным названием Устюжна, где в купленном Костей домике жила его старая тетка. Костя называл ее «тетенька», а жили при «тетеньке», конечно же, пес и кот.

Маше Костя принес тоненькую книжечку. Маша перелистала серые странички со странной печатью, взглянула на картонную обложку. «Пустынники. Поэма А. Крученых (твердый знак)», – прочитала она.

– Литографированная книжка футуристов, 1912-й или 1913 год, – определил Юрий Сергеевич. – Костя, зачем? Это же огромная редкость! Она еще маленькая для такого подарка...

– Юра, ты не поверишь, купил сегодня в «Букинисте» на Литейном. Обложка, кстати, Ларионова. А тут у ребенка такой праздник! Выходит, купил специально для Машки.

– Крученых имел прозвище «бука русской литературы». А футуристы упразднили типографский набор, – лекторским тоном обратился Юрий Сергеевич к Ане с Машей, – их книги отличались полукустарным видом...

Маша уважительно взглянула на рисунок в центре: большеголовая черная фигурка с неуклюже согнутой рукой рассматривает то ли глаз, то ли рыбу, то ли еще что-то... Внизу надпись: «Рисунки Нат. Гончаровой».

– Звонок! – Маша бросила книжку на стол и помчалась открывать. – Наконец-то! Гости! Костя, неловко пожав плечами, бережно погладил обложку.

В течение двадцати лет Костя со строгой регулярностью появлялся у Юры и Ани Раевских на правах члена семьи. Иногда, обижаясь на что-то известное лишь ему, он взбадривал дружескую рутину строптивыми исчезновениями на день-два, а потом снова возникал в дверях, вплывая надутым лицом в прихожую из мрака парадной. Когда-то давно, по Аниному способу выражения «несколько лет назад», он даже мог маленькую Машу укачать или покормить.

– Ребенок обожает Костю, – говорила Аня.

Маша действительно с младенчества показывала фокус – мгновенно переставала плакать и улыбалась, едва Костя приближался к кроватке с орущим ребенком.

Костя дважды женился, но, как он говорил, «не кардинально». Первую, еще из юности, называл «старая жена», а вторую, совсем уж мимолетную, – «новая жена». Детей ни от одной не случилось, расстался с обеими легко, без надрыва, и со старой и новой поддерживал вяло-текущие отношения, полулюбовные-полуприятельские. Все его увлечения, даже самые мимолетные, бывали представлены Раевским.

– Дядя Федор, твои девушки как будто едут вокруг тебя на карусели, кто на лошадке, кто на мотоцикле... – заметила маленькая Маша.

– О нет, на карусели едут по кругу, а они все-таки уезжают и не возвращаются.

– Тогда на скором поезде. Поезд уносится, а ты радостно машешь платком на перроне.

– У ребенка хорошее образное мышление, – радовался Костя, – я жду, пока ты вырастешь, Принцесса!..

Маша бросилась открывать двери, заранее расплывшись в улыбке. Первой всплыла большая картонная коробка из-под сапог, в коробке не сапоги, а завернутый в несколько слоев вощеной бумаги «Наполеон». За обувной коробкой – гости. Прихожая мгновенно стала напоминать булькающий в кастрюле суп. Маша переходила из рук в руки – кто-то целовал ее со звучным чмоканьем, кто-то похлопывал по плечу, мальчишки толкались, взрослые суетились, раскрывая сумки, доставали шампанское, торт из «Метрополя», банки и баночки с салатами. Пришли Любинские и Васильевы, близкие друзья, почти родственники. Разделись, причесались, мальчишкам велели пригладить волосы, и все вместе, возглавляемые Машей, гуськом перешли через площадку в соседнюю квартиру – поздороваться с Сергеем Ивановичем и Бертой Семеновной. Через внутренний коридор давно уже ходила только Маша.

Мальчики – Юра Раевский, Алеша Васильев и Володя Любинский – вместе учились в школе. Затем в институте у Сергея Ивановича Раевского, Юриного отца. А потом у него же в аспирантуре. Все трое блестяще защитили диссертации, выбрали разные области деятельности, обзавелись семьями и могли бы давно уже забыть друг о друге и о своем научном руководителе. Но Юрий Сергеевич со своим исключительным даром дружить так и тащил их за собой по жизни, ни за что не желая расставаться со школьными друзьями, словно все перечитывал перед сном свой детский дневник.

Долгие годы раз в месяц собирались у Раевских обязательно, плюс поздравить профессора, затем членкора Сергея Ивановича со всеми праздниками, плюс раз в месяц нанести обязательный отдельный визит его жене Берте Семеновне... а еще дни рождения мужей, жен и детей, вот и набегало – раз в неделю обязательно виделись.

И Любинские, и Васильевы воспринимали это не только как дружеское общение, но и как светское. Они всегда жили более размеренной, буржуазной жизнью и в бесконечной череде богемных посиделок Юрия Сергеевича и Ани участия почти никогда не принимали, но были Раевским почти что родственниками.

Дружбу завели и поддерживали мужчины, поэтому отношения не были такими теплыми, как бывает, если дружат жены. Но дружить семейно было тем более удобно, что все дети –

Маша Раевская, мальчики Любинские и Наташа Васильева – были почти одного возраста. Все, кроме десятиклассницы Маши, учились на кафедре у Деда. Боба Любинский на третьем курсе, Гарик Любинский – на первом, Наташа – на четвертом. Все трое учились нехотя, но прилично. Боба и Гарик не любили химию. Математику и физику терпели. Наташа вяло ненавидела все предметы во время семестров, яростно во время сессии и училась плохо. Зато каждому из них, дай Бог Деду здоровья, была гарантирована неплохая советская судьба – приличное распределение, аспирантура, кандидатская.

Костя, Дядя Федор, отдельных отношений с Любинскими и Васильевыми не поддерживал, но за долгие годы все привыкли друг к другу, сроднились. В Косте вообще пересекались все дружбы Раевских, поскольку он просто-напросто был всегда и, когда находился в благодушном настроении, сам себя называл «местной мягкой игрушкой».

Как во всякой счастливой семье (а семья Раевских была, без сомнения, счастливой), имелось великое множество семейных легенд, одна из которых, далеко не самая незначительная, касалась появления в их семье Кости.

В секретном ящике с документами и деньгами хранился Машин детский рисунок, на котором пятилетняя Маша изобразила всю семью. В центре сама Маша, человечек с кривыми ногами-палками, рядом с ней огромная, во весь лист, Бабушка (мать Юрия Сергеевича, не путать с бабой Симой, матерью Ани), почему-то без лица. Наверное, в знак того, что она, как божество, была всюду, а божеству лицо ни к чему. Рядом с ней Дед с большими глазами-очками (это отец Юрия Сергеевича, не путать с Аниным отцом, которого не знали ни Аня, ни даже сама баба Сима, а тем более Маша). Дед, отдельно от всех. Баба Сима, человечек с растрепанными волосами, улыбкой от уха до уха и растопыренными в танце руками и ногами. Внизу папа с портфелем в руке и мама с короной на золотых, как у принцессы, волосах и в длинном платье, из-под которого виднеются крошечные принцессины туфельки. Дядя Федор присутствует на рисунке в виде пятна в углу с кривой надписью «дя Фе».

«Дитя революции», называла Бабушка Машу. Бабушка – Берта Семеновна. Вторая бабушка называлась просто баба Сима. Настоящая бабушка была папина. Она была главная. Главнее, чем мама с папой. Если Машу спрашивали, кто ее родители, она отвечала – мама-красавица, папа-ученый, а Дедушка – самый большой ученый. А если допытывались, кого она любит больше, маму или папу, девочка, удивляясь про себя, почему люди считают, что нельзя больше всех на свете любить бабушку, отвечала, чтобы не обидеть никого из родителей: «Мапу. Я больше всех люблю Мапу». И прятала глаза, радуясь, что так ловко соврала, а никто не заметил. «Мапа» вымышленное существо, а настоящая и самая любимая – Бабушка.

– Маша у нас дитя революции, – любила повторять Бабушка с разными интонациями, в широком диапазоне от злости до мягкой иронии. Правда, говорила она это только Деду. При чужих – никогда и никогда при невестке, ни одного разочка. Вообще невозможно представить себе, как Бабушка говорит что-то случайно, необдуманно.

В раннем детстве Маша считала, что если ей повезло родиться в Ленинграде, городе трех революций, то потому она и есть дитя революции, и это очень почетное звание – вроде Героя Советского Союза.

Чаще всего Бабушка повторяла это, когда была недовольна мамой или бабой Симой.

– Спасибо революции, – вздыхала она, брезгливо выгребая из Машиного кармана шелуху семечек или поправляя кофточку в блестках, которую подарила на день рождения баба Сима.

Став постарше, Маша прекрасно сама во всем разобралась. Она, Маша Раевская, – результат смешения социальных слоев. И если бы не революция, сын Берты Семеновны, ребенок из профессорской семьи, то есть папа, никогда бы не женился на маме, дочери буфетчицы.

– Но если бы мама не встретилась с папой, я была бы не я, а совершенно другая девочка, не такая хорошенькая, не такая умная... – глубокомысленно заметила пятилетняя Маша.

Берта Семеновна громко, нехарактерно для себя, фыркнула.

– У девочки не по годам развито логическое мышление, – гордо сообщила она мужу.

– Она же моя внучка! – еще более гордо ответил Дед и потащил Машу за платье к себе на колени.

Бабушка, Берта Семеновна, родилась в Петербурге в семье купца первой гильдии. Отец ее был из тех евреев, кому разрешения жить в Питере показалось мало, чтобы отделиться от своих соплеменников-иудеев, и он пожелал принять христианство вместе со всей семьей, что и сделал вскоре после беспорядков 1905 года. Таким образом, Берта Семеновна, высокая, худая, со строгим горбоносим лицом и черными с проседью в соль и перец волосами, всю жизнь страдала за двоих совершенно разных людей: за одну себя как за генетическую еврейку, обладающую характерной еврейской внешностью, и за другую себя – христианку, пронесшую через всю жизнь пылкую приверженность к православию, которую, естественно, в советской жизни приходилось скрывать, чтобы, не дай бог, не испортить Дедову научную карьеру.

Бабушка любила гордиться и гордилась по любому поводу. А поводов у нее набиралось немало. Родилась в Питере – раз. Разве не повод, когда вокруг городские в первом, самом ужасном, поколении беспомощно потерялись в новых городских правилах жизни и, утратив патриархальные деревенские добродетели, приняли коммунальный быт за непререкаемую истину и ценность.

Происхождение и образование – два. Купец первой гильдии образовывал свою дочь с помощью гувернантки, владеющей двумя иностранными языками, и Берта Семеновна успела прилично научиться по-немецки. А по-французски совсем немного, но с замечательно красивым произношением – заслушаешься.

– Скажи что-нибудь по-французски. Все равно что, это так красиво! – просила Маша, и Бабушка важно и презрительно произносила с таким нездешним грассированием, что у Маши от восторга щекотало в животе.

Бабушка часто вспоминала свою маму. Рассказывала гостям, как в октябре 1917 года послушная, по-солдатски вымуштрованная мамина девочка Берточка на полчаса опоздала с прогулки.

– Мама, я не виновата! Революция! – оправдывалась Берточка.

– Чтобы я это в последний раз слышала! – отрезала Берточке мама.

Она закончила Бестужевские курсы, и Берта Семеновна с гордостью демонстрировала гостям материнский диплом. В дипломе было написано, что Машина прабабушка имела право преподавать. Правда, особо выделено, что не во всякой семье, не любым детям, а только в семьях единоверцев. Единоверцев, значит, иудеев, хоть она и была крещеная, из семьи, принявшей православие, объясняла Берта Семеновна.

Сама Бабушка училась в реальном училище.

– Я была единственной девочкой в классе, – с гордостью говорила она.

– Почему? Наверное, неприятно быть одной-единственной девочкой в классе. Не с кем пошептаться, походить под ручку, – сочувствовала Маша.

– Мне незачем было шептаться, я училась. Училась, между прочим, лучше всех. Мой отец считал, что в гимназии дальше кулинарии все равно не пойдут, а в училище правильно преподают математику.

Особенно гордилась Берта Семеновна тонкой ниточкой, связывающей ее с Ахматовой. В 1910 году мать водила семилетнюю Берточку на поэтический вечер на Бестужевские курсы. На вечер съехались ведущие феминистки России. Сразу после Блока выступала Ахматова. Все вокруг волновались, что после Блока ее будут плохо принимать, равнодушно. А принимали замечательно, не хуже самого Блока. И кто-то рядом с Берточкой сказал: «Вот, Анечка для себя добила равноправия». Берточка запомнила, что равноправие, которого «добила» эта

красавица, богиня, – самое лучшее, чего можно добиться. И очень хорошо училась в реальном училище, лучше всех мальчиков, вот так-то!

Еще одна связь с Ахматовой у Берты Семеновны имелась – она видела Ахматову в тюремной очереди. Многие советские семьи имели обыкновение скрывать от детей сомнительные странички семейного прошлого. Сначала таились вследствие их, детей, неразумности, потом просто забывали рассказать, а потом детям уже было неинтересно. От Маши никогда ничего не скрывали. Ни закрашенного православием бабушкиного еврейства, ни того, что дед весь 1938 год провел в тюрьме. Так вот, однажды в 1938 году в тюремной очереди Бабушка заметила закутанную в платок женщину, которая, казалось, чем-то неуловимо отличалась от всех. А может быть, только казалось... У окошка женщина произнесла стандартную при приеме передачи фразу: «Ахматова Гумилеву». Услышав это, Берта Семеновна заплакала. Хоть Маша и была уверена, что Бабушка это сочинила, все равно она была особенная – даже в тюремной очереди стояла рядом с Ахматовой...

Еще Берта Семеновна гордилась тем, что родила сына в тридцать четыре года. По тем временам она была не просто старородящей, а казалась врачам восьмым чудом света, неприличной аномалией, чуть ли не уродом. Бабушка рассказывала, что в страшных, двое суток, родах не произнесла ни звука. Чем, кстати, вызвала отнюдь не уважение, а скорее недоброжелательство акушерок. Они между собой перешептывались: мол, рожает – ори, как положено, а эта горбоносая... ведьма, как есть ведьма!

В советской части Бабушкиной биографии числился Педагогический институт имени Герцена. Берта Семеновна преподавала в школе химию, и ученики считали ее колдуньей. Стоя лицом к доске, могла сказать, что делается за ее спиной. Берта Семеновна носила тоненькое золотое пенсне, и за многие годы никто не догадался, что она прекрасно видела происходящее в классе из-за эффекта зеркала.

В школе Берта Семеновна управлялась как кастрюлями на собственной кухне. О каждом своем ученике всегда знала, где он, почему, с кем. Особенно когда в ее классе учился сын, которого она в стенах школы ни разу не назвала по имени.

– Любинский, могу я поинтересоваться, почему тебя не было в школе? – Звонки прогульщикам и просто нерадивым ученикам обычно занимали полчаса ее вечернего времени. – Не рассказывай сказки, Любинский. Ни к какому врачу ты не ходил, а просидел полдня у Васильева вместе с Раевским.

«Колдунья», – трепеща, думал Любинский, точно зная, что Юрка Раевский не мог выдать друга. «Колдунья», – уныло соглашался Васильев.

Всех своих учеников, не исключая ни единого прогульщика, Берта Семеновна водила в филармонию. Кивала билетерам, величаво направлялась на «свое», постоянное место в центре седьмого ряда. Одета была всегда одинаково – в белоснежную блузку с кружевным жабо, поверх жабо перламутровый бинокль. Маша ходила с ней с четырех лет. За долгие годы успела выучить наизусть все щербины на подлокотниках «своего» кресла, пересчитала все лампы на центральной люстре. Однажды они с девочкой из Бабушкиного класса попытались развлечься на скучнейшем Малере и принялись украдкой меняться туфельками под креслами. Бабушка, не повернув головы, больно, с вывертом, ущипнула Машу за плечо и одновременно незаметным движением зажала ей рукой рот, чтобы внучка не вскрикнула.

И наконец, самая главная статья гордости Берты Семеновны – муж, Машин Дед. Просто Дед, как его называли аспиранты уже лет двадцать.

Если бы люди только осмелились подумать так, они решили бы, что Дед старый, некрасивый и болезненно худой. Словно соломенное чучело, на которое надели костюм, белую рубашку и галстук. Но никто не осмеливался видеть его таким. Дед был ученый, химик. Профессор, член-корреспондент Академии наук. Не просто профессор, каких немало, и даже не

просто членкор, а ученый, создавший собственное, очень в свое время модное и перспективное направление, глава научной школы, как сказали бы теперь, мафиози от науки.

Слово «профессор» полностью определяло его внешний облик. Казалось, он родился профессором, как другие рождаются красивыми или некрасивыми, темноволосыми или голубоглазыми. Однако он не только не родился профессором, но и пришлось ему изрядно потрудиться и помыкаться, прежде чем приобрести такой рафинированный, классически академический облик.

Сергей Иванович Раевский, совершенно пролетарского происхождения, несмотря на дворянскую фамилию, прибыл с друзьями в Питер в семнадцать лет. Пятеро семнадцатилетних ребят приехали из небольшого российского городка на крыше поезда. Первоначально они собирались в какой-то другой город, но по дороге передумали и поехали в Питер. Учиться. Как в анекдоте или в плохом рассказе про бедных и упорных, у мальчишек имелись одни сапоги на пятерых. Дед на этих сапогах настаивал. Особенно любил упомянуть свою личную одну пятую сапог в беседах с аспирантами. В части неперменного сохранения мифа о сапогах Маша была с Дедом согласна – так было драматичнее. Сергей Иванович учился в университете, работал санитаром в больнице Скворцова-Степанова. В психиатрической больнице санитарам платили больше, чем в обычной. Женился на Берте Семеновне. Лучшим друзьям, которые, по семейной легенде, всем скопом были влюблены в строгую большеглазую Берточку, молодой Сергей Иванович объявил о женитьбе довольно лаконично:

– Берточка вышла замуж.

– Как же так?! За кого? – всполошились друзья.

– За меня.

Вот так. Только так, и не иначе. Не таков Сергей Иванович Раевский, чтобы нужное ему самому уступить.

«Папа, конечно же, человек авторитарный», – думал Юра Раевский, в ком жесткая хватка отца загадочным образом сочеталась с еврейской мягкостью отказавшихся от своей религии предков.

«Авторитарный» Сергей Иванович себя таковым не считал и очень удивился бы, если бы кто-то осмелился поставить ему это на вид. Он считал себя человеком мягким. Но ведь он действительно всегда знал лучше других... что? Да все! Все знал лучше! Сергей Иванович искренне не понимал, как можно не признать, что его взгляды самые логичные и потому правильные. Единственно правильные. И мнений, отличных от собственных, и в своем доме, и на работе не допускал.

Берта Семеновна умела посмотреть таким взглядом на несогласного с ее мнением ученика или коллегу, что несчастный мечтал вжаться в стенку, исчезнуть.

«Да, Берта Семеновна. Так точно, Берта Семеновна» – вот что хотелось сказать, когда она ТАК смотрела. И совсем невозможно сказать «нет». Однажды она у Володи Любинского поинтересовалась, почему же это, интересно, он не сдал вовремя статью, которую сам Сергей Иванович посмотрел. Ведь он же при всей своей занятости успел, а вы, Володя, что же? Или ваше время имеет большую ценность, чем время Сергея Ивановича?

– Виноват, исправлюсь, Берта Семеновна, – встав во фронт, отрапортовал аспирант Володя Любинский, никогда не служивший в Советской армии, зато три школьных и два аспирантских года отслуживший в армии Берты Семеновны.

«У вас несовместимость, – авторитетно заявляет теперешний психолог некоей доверчивой и невинной в умственном отношении парочке, – вы оба по тестам выходите довольно-таки неуступчивые, упрямые, авторитарные люди. И не пытайтесь, ничего у вас, кроме развода, не выйдет!» А жизнь Сергея Ивановича с Бертой Семеновной была примером того, какой гармонии возможно достичь, даже если по всем психологическим законам гармония эта невозможна, недостижима.

Однако Сергей Иванович и Берта Семеновна, оба, назло современному психологу, крайне неуступчивые, упрямые и авторитарные, мирно, достойно и любовно обустроили свою жизнь. Психолог сказал бы в оправдание, что им удачно удалось разделить сферы влияния.

Дед «рулил» жизнь и Бабушку, а Бабушка «рулила» жизнь и Деда, правда так тоненько и нежно, что этого никто не замечал. Как-то они умудрялись это делать. Были очень преданны друг другу, Дед более скрыто, зато у Берты Семеновны глаза, когда она смотрела на Деда, прямо-таки фанатичным огнем горели. Всю домашнюю жизнь и, насколько удавалось внедриться в его научную, Бабушка подчиняла Деду: диете Деда, сердцу Деда, работе Деда. Для нее, в противовес традициям еврейского безудержного материнства, на первом месте был не сын и позже не внучка, а муж. Черная икра, творог с рынка, все самое лучшее, удобное, теплое, мягкое, пушистое – Деду.

Берта Семеновна умела жить, в любом месте мгновенно обростала удобной для служения Деду структурой. В доме всегда была домработница, даже в войну, сын вырос с Феней, затем с Марь Иванной, потом с Женечкой...

Сыну таких властных родителей, как Берта Семеновна и Сергей Иванович, полагалось вырасти задавленным или хотя бы слегка подавленным, неуверенным и зависимым. Но Юра, золотой медалист, всего лишь однажды уступил родителям, правда, в случае важном – не стал поступать учиться в Академию художеств, как мечтал. Рисовал Юра с детства, где бы ни находился. Дома, на уроке рука помимо воли водила карандашом.

– Мама, а что, если я буду всю жизнь жалеть, что послушался вас? – нагнетал страсти Юра.

– А вдруг из-за нас он зароет талант в землю? – спросила Берта Семеновна мужа.

– А вдруг из-за нас он закончит свою жизнь в нищете? – последовал ответ.

Не дай бог, даже страшно представить, подумала Берта Семеновна и ужаснулась тому, что целое мгновение держалась иного мнения, нежели Сергей Иванович.

Берта Семеновна и Сергей Иванович не знали, что сын и сам уже все решил, и бились с ним за научную карьеру против ненадежной живописи со всей страстью людей, не представляющих ни себя, ни своих близких вне социального успеха. Неожиданным последствием этой истории стало их некоторое от сына отстранение. Они словно испугались, что он хоть и на миг, но все же их, всегда монолитно единых, разделил. А Юра Раевский и сам не был уверен в своем таланте, а быть «ником», «неизвестно кем», «жалким бесталанным малевщиком», как пугали родители, не хотелось. Поэтому уступка его не совсем могла считаться повиновением родительской воле, а скорее была уступкой самому себе. За эту торговлю с самим собой Юра отца же и наказал и, в свою очередь, внутренне немного от Сергея Ивановича отодвинулся.

Вместе со школьными друзьями Володей Любинским и Алешей Васильевым Юра Раевский поступил к отцу в университет на химический факультет.

* * *

Берта Семеновна не просто была частью окружающего пейзажа. Где бы она ни жила, мгновенно становилась главной, начинала организовывать, управлять... Она руководила не только домом и своими учениками, но и Дедовыми аспирантами, вела сложный учет – кого накормить, кого устроить в больницу, кому одолжить денег. Сергей Иванович мог дать займы без ее ведома, а уж Берта Семеновна строго требовала возврата долга в срок. Даже в этом они были слажены.

Берта Семеновна умела вплести окружающих в одну большую сеть, где каждый делал что-то нужное остальным. Один вез другому лекарство, этот другой сидел с ребенком третьего, а третий в это время перепечатывал текст для первого. Руководила Бабушка не обидно. Построившись вокруг нее, все дружно держались за одну веревочку, словно она переводила

через дорогу детсадовскую группу. В ее распухшей записной книжке теснились телефоны: родители нынешних и бывших учеников, давно выросшие ученики, сами уже ставшие родителями, нынешние и бывшие аспиранты. . . Театральные билеты приносили домой, из комиссионного звонили, когда что-то интересное появлялось, сама она никуда не ходила, не напрягалась. В доме зимой яркими пятнами краснели гранаты, желтела хурма, аспиранты из Узбекистана привозили ящиками, а с Дальнего Востока аспиранты доставляли баночки с крабовым мясом и икрой.

И сама она делала все, что было в ее силах. Однажды с Володей Любинским два часа на морозе простояла, дожидаясь поезда, в котором приезжала его больная тетка, чтобы сразу взять женщину в больницу. У Алеши Васильева перед защитой заболела мать, было плохо с деньгами, так Берта Семеновна лекарства доставала. Один из бывших ее учеников сделал Алеше бесплатно чертежи, другая напечатала диссертацию. Алеша защитился, мать умерла, Берта Семеновна помогала хоронить, блины пекла на поминках, Алеша, когда женился, приходил к ней, такой строгой, плакал, говорил: «Вы мне как мать. У меня, кроме вас, никого нет». Алешина девушка, скромненькая Аллочка, Берте Семеновне понравилась. Она велела Алеше: «Женись». Алеша женился. И Зину Володину она одобрила. Рожали девочки, Зина и Аллочка, через нее. Берта Семеновна договаривалась, чтобы присмотрели. . . Володю Любинского, по отцу записанного евреем, не хотели в аспирантуре оставлять. Оставили – Берта Семеновна выхлопотала. Был у нее один бывший двоечник, очень продвинулся по партийной линии, она его для самых сложных случаев придерживала. Помогала, руководила жизнью, а в уплату за помощь требовала беспрекословной преданности себе и Деду.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.